

Р.И. 2.росб

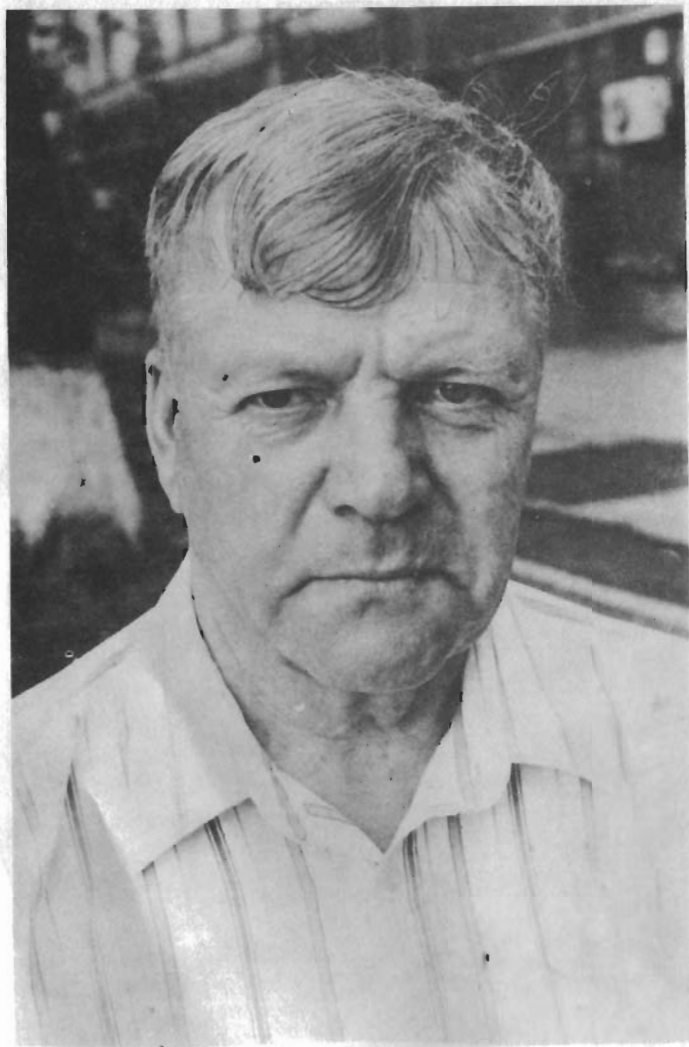
БЗ4РБ

KEMEROVO
2000

Виктор
БАЯНОВ

70848333
К 5

Верн - а
ПОДА
В. Байнов

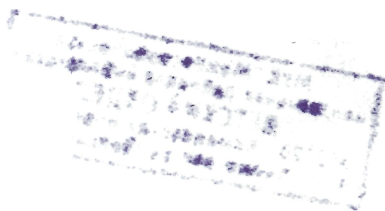

Стихи разных лет

КЕМЕРОВО
«СИБИРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»
2000

ББК 84.3Р7
Б 34

Художник
Василий КРАВЧУК

© В.М. Баянов, 2000 г
© В.П. Кравчук, художник, 2000 г.

О СЕБЕ

Родился я в 1934 году, 10 июля, в деревне Дедюево, близ Кемерова. Отец мой работал до войны ветеринаром в колхозе, мать — на ферме.

Жили мы на самом краю деревни, как на хуторе или заимке, — от деревенской улицы наш дворик отделяло довольно обширное болото. Изба наша с трех оконцах, под крышей из дерна, едва-едва вмещавшая русскую печь, стол в кути и лавки вдоль стен, была даже по тем временам и меркам неказиста и изношена до предела, но ощущалось мною как осевое, главное место в окружающем пространстве. К северу уходили хлебные поля с околками, а с закатной стороны к нашему огороду подступал гладкий породистый березняк, такой густой и белый, что даже в самых чертоломных сограх было от него светло и не так страшно. Березняк перерезала речка, увитая по низинам и заплескам непролазным комариным тальником, черемушником и диким хмелем.

А сколько там на все лады трезвонило и верещало всякой летающей, ползающей, прыгающей живности!

От околицы неизвестно куда разбегались по березняку дороги — узкие, постоянно сырые, малоезжие, а то и вовсе из-за военного малолюдья заброшенные и уже затянутые лесным подростом, дягилем и разной тенелюбивой травой.

Каждодневно я сталкивался с удивительным миром живой природы, с добрыми деревенскими жителями, с их делами и заботами. И все это как бы кружилось вокруг нашей избы, к ней притягивалось и на ней сходилось. Всплеснет ли, бывало, омут на речке, шумно проглатывая отвалившуюся от берега земляную глыбу, затрещит ли от чего-то сухостойное

дерево в чаще и рухнет на землю — мороз подерет по спине, а ты всем существом своим вмиг безотчетно повернут и устремлен к дому, поскольку с момента, как себя помнишь, усвоено, что лишь дома, каким бы он ни был, спасение твое от холода, страха, любых напастей.

Первые сельские впечатления оказались настолько волнующими, сильными, что долго сопровождали меня, затмевая все остальное в моей, не очень-то богатой внешними событиями, жизни. Самую действенную и мощную подпитку своей лирики я получал именно оттуда — из незабвенного детского далека.

Отец после войны и демобилизации из армии устроился на железную дорогу путевым обходчиком. Мимо окон путевой казармы, где мы стали жить и вокруг которой в радиусе пяти километров не было никакого жилья, день и ночь громыхали поезда. Кое-как одолев сельскую семилетку (далеко, не в чем ходить) и вдруг страстно возмечтав стать машинистом локомотива, я поступил в железнодорожное училище на станции Топки, которое успешно окончил в 1951 году. С того времени до самой пенсии по возрасту, вся моя трудовая биография с небольшими перерывами (служба в армии, учеба на Высших литературных курсах) связана с железнодорожным транспортом, службой тяги — помощник машиниста паровоза, машинист паровоза и тепловоза.

Еще в армии (1953—1956 гг.) что-то толкнуло к сочинению стихов. Позже, в разные годы, в Кемерове и Москве вышло несколько моих книжек лирики. В 1965 г. я был принят в члены Союза писателей СССР.

Неловко признаваться, но занятый работой на производстве и преследуемый хворями, писал я нерегулярно и до обидного мало. Иногда кажется, что я и не сочинял свои стихи. Будто они скрытно жили рядом сами по себе и однажды сразу открылись мне, чтоб через мою душу какое-то время посветиться на земле простыми, незатейливыми цветками любви и памяти.

Виктор Баянов
2000 г.

РОДНИК

Блестит вода, как в сказочном копытце,
В замшелом срубе, вкопанном в межу.
Я прихожу, чтоб из него напиться,
И как я встречей этой дорожу!

Мне радостно близ рожицы дремотной,
Близ дружески кивающих вершин,
Наполнить всклень водою искрометной
Видавший виды глиняный кувшин!

И пить, да так, чтобы не только глотку
Струя воды внезапно обожгла,
А чтоб она текла по подбородку,
Чтобы она за шиворот текла.

Кипит родник, воркует голубино,
Прохладой вея на клубничный луг.
Над ним краснеет старая рябина,
Малина густо разрослась вокруг.

И все года близ рожицы под горкой,
На гладь воды, что, как слеза, чиста,
Всё падают — то плод рябины горький,
То сладкий плод с малинова куста.

* * *

Изба моя, приветь меня,
Побалуй давней лаской отчей,
Погрей у своего огня,
Чем бог послал меня попотчуй.
И над землей, и над водой,
Сквозь все удачи и оплошки,
Мне самой близкою звездой
Сиял огонь в твоём окошке.
В большой судьбе твоей теперь
Все так предпразднично, субботно.
Я в эту низенькую дверь
Когда-то проходил свободно.
Я был, как ты, и мал, и прост,
Был светом полевым просвечен,
И прибывающий мой рост
Вон на венцах твоих отмечен.
На крыше — тот же дерн пока.
И с этой крыши многоцветной
Под легкий шелест ветерка
Свисает колокольчик летний.
И спорым дождиком омыт,
Трезвоном наполняя уши,
Он мне о юности гремит,
Гремит от года к году глуше...
Изба, и летом, и зимой
Твой отсвет надо мной витает.
Стою, и рост отметить мой
Венцов сосновых не хватает.
И не могу унять теперь
Далеких лет степного звона.
И не могу я в эту дверь
Пройти без низкого поклона.

* * *

К окну любил я припадать утрами,
Лишь начинало голубеть оно.
Была в сосновой неширокой раме
Картина мне знакомая давно.
Все тот же перелесок да огорок,
В застойном отраженный омутке,
Да пыльная вилась дорога в город,
Дымящий за полями вдалеке.
Возы, скрипя, тащились по лощине,
Потом в тумане таяли они.
На тех возах — ни одного мужчины,
А были только женщины одни.
Как гуси, под горой белели камни,
Из века в век ручей их омывал...
И так была картина та близка мне,
Как будто сам её нарисовал...
Теперь никто оттуда не окликнет —
Забыто, пусто, нету никого.
В моих глазах нет-нет да и возникнет,
Мелькнет картина детства моего.
И очень жаль, что вот, имея навык
И перестраивать, и украшать житье,
В картину ту мне не внести поправок
И заново не написать ее.

* * *

В четыре ребячьих объёма,
Разлаписта и зелена,
Над нашею дымною хатой
Могуче шумела сосна.

Чеканились месяцы-перстни,
Слетали с нее облака.
А в ветках покоились песни
Еще со времен Ермака.

Гордясь перед хрупкой осиной
Своим многолетним житьем,
Она самой крепкой и сильной
Была в представленьи моем.

Но как-то по всем перелескам
Прошел ураган. И сосна
Легла с оглушительным треском
Шагах в десяти от окна.

Впервые высокую крону
Увидел я жалкой такой,
И душу мне тягостно тронул
Ее непривычный покой.

И только одно утешало
Тревожное сердце мое —
Она ведь не просто упала,
А буря сразила ее.

* * *

Я не по нраву, не по нраву
Пришелся твоему отцу,
Но вечером тебя по праву
Веду к отцовскому крыльцу.

Потом к воде, к речному устью,
По необкошенной тропе
Иду с хорошей, теплой грустью
Вздыхать и думать о тебе.

Плечами небо задеваю
И верю всяким чудесам,
И сердцем что-то затеваю,
А что — пока не знаю сам.

И кажется, что с тем же чувством,
Не громыхая, не пыля,
К себе самой светло и чутко
Прислушивается земля.

* * *

От туманного молозива
Река белым-бела.
Клены в зорьке светлорозовой
Купают купола.

И черемуха за пасекой
Поет на склоне дня.
У черемухи за пазухой
Сто песен для меня.

Будто сказочная дева,
Сердцу близкие слова
Выпускает то из лева,
То из права рукава.

Улетают песни с кручи,
Зажигая, веселя,
Жаворонками под тучи,
Перепелками — в поля.

В небе звездочка маячит
Первая, вечерняя.
Может быть, она — моя,
Может быть, ничейная.

* * *

Дождик льёт, дождик льёт,
Мчит вода из балочек.
Метко дождик бьёт влёт
И шмелей, и бабочек.

Капли падают, звеня,
То орлом, то решкою,
Ты далёко от меня,
Там, за горной речкою.

Там белеет твой платок
Сквозь стекло оконное...
Но гремит, гремит поток
И ручьи окольные.

Только я к тебе приду,
Посижу, порадую.
Если брода не найду —
Перейду по радуге.

ТАНЦЫ НА МОСТУ

Перила новенькие в глянце.
Сосною тянет за версту.
В разливе май, в разгаре танцы
Среди деревни на мосту.

Весна!
Картинно став на кромку,
Как у любимой под окном,
Терзает новенькую хромку,
Слегка куражась, агроном.

Сам подпевает ей с присвистом,
Забыв о первой борозде.
И кружат звезды в небе чистом,
И те же самые — в воде.

Гудят сосновые подмости.
Танцует юность и поет.
Мне за отбитые подметки,
Наверно, завтра попадет.

Зато душа моя не тужит,
Зато опять дружу с весной.
И вечер звезды кружит, кружит
И надо мной, и подо мной.

* * *

Не думать ни о чем теперь бы,
Когда сто троп во все концы,
И предлагают в сограх вербы
Свои сережки-леденцы.
И жаворонки без умолку
Над всей родимой стороной
Трезвонят про твою помолвку
С самой красавицей весной.
Да, как легко под гимны эти,
Пусть ты их даже заслужил,
Забуть про все на белом свете —
И кем ты был, и где ты жил.
Но у лесистой низкой гривы
Тебе, шагающему в рост,
Вдруг бросит чибис: «Чьи вы? Чьи вы?» —
Один-единственный вопрос.
Он не поет; не красноречив,
Но сразу, как у кромки рва,
Тебя тревожно останавлият
Те немудрящие слова.
Они стоят тебя оставят
У голубеющих излук,
Они припомнить вдруг заставят
Поволглый за деревней луг.
И домик, где ты пел и плакал,
И речку, где сидеть любил,
В которой ты мальчонкой плавал,
Которую ты в жажду пил.
Поднявшись над раздольем низы,
И в радостный, и в горький час
Тревожный чибис: « Чьи вы? Чьи вы? » —
Завидев, спрашивает нас.
Чтоб помнить мы не перестали
Под нашим небом или чужим,
В каком краю мы вырастали,
Какой земле принадлежим.

МКУ «Межпоселенческая
центральная районная библиотека»
ДЕТСКИЙ ОТДЕЛ
652120, Кемеровская область
п.г.т. Кемеровский, ул. Ленинская, 82

Муниципальное учреждение культуры
"МЕЖПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
РАЙОННАЯ БИБЛИОТЕКА"

17
Библиотека-филиал №
Кемеровская область, Кемеровский район

51094-

МАТЕРИ

Устав от ветровых погудок,
Стоит береза на меже,
Еще не зимняя покуда,
Но и не летняя уже.

Ты на нее глядишь, родная,
И замечаешь, что она,
Листву пригоршнями роняя,
Почти совсем оголена.

И с летом ласковым прощаясь,
Ты пригорюнилась в избе.
Как будто гости обещались,
Да не приехали к тебе.

А рельсы, словно по ступеням,
Белесый излучая свет,
Бегут, сужаясь постепенно,
И где-то сходятся на нет.

Презрев болезни и простуды,
Ведя домашние дела,
Все реже говоришь ты «буду»,
Все чаще говоришь «была».

Под полушалок прячешь проседь,
И тем лишь, кажется, жива,
Что обо мне тебе приносят
Одни хорошие слова.

Живя доверчиво и просто,
Я не прошу другой судьбы —
Лишь чаще б видеть дом у моста
С куделью дыма из трубы.

Да под горою омут синий,
Да поле в балках и буграх
С березкою еще незимней
На обжигающих ветрах.

ВЕСНА НА СТАНЦИИ

Нету близко лугов, что цветут в эту пору,
Но и здесь, как над речкой, повис виадук.
И цветут поезда, и цветут светофоры —
Вся железнодорожная ветка в цвету.

И нет-нет да пахнет то сосной, то березой,
Как и там, где разливы и небо в стрижах.
Этот запах сюда принесли паровозы
Из неведомых мест на литых бандажах.

Далеко раздаются их песни-погудки —
Это снова они тянут длинный состав,
Напоследок еще торопливо и гулко
Все вагоны для верности пересчитав.

И всегда нелюдимый задумчивый смазчик,
Обтерев инструмент, закурил не спеша.
А потом синеве улыбнулся, как мальчик,
Соглашаясь со мною, что жизнь хороша.

* * *

То ли вьюга будет мечь,
То ли цвель смородина.
Из каких-то дальних мест
Я вернусь на родину.

И спрошу свои края,
Заполночи, замежи:
— Как тут милая моя?
Мне ответят: — Замужем...

Сердце оплеснет водой
Ледяной, подледною.
Повстречаюсь с молодой,
Расспрошу подробнее.

Тропки-стежки у нее
Самые ли торные?
Белостенное жильё
Самое ль просторное?

Сразу ли, как завела
Вдаль дорога горькая,
Заскоблила, замела
Теплый след мой в горенке?

И еще спрошу без зла:
— По какому правилу
Праздники себе взяла,
Будни мне оставила?

* * *

У станции цветов — каких угодно.
Я не спеша красу земную рву
И думаю наивно, что сегодня
Я без волнений всяких проживу.

Но на перроне шлак хрустящ и порист.
Но график, как всегда, неумолим.
А женщина торопится на поезд
Со стареньким баульчиком своим.

В ее глазах, невыразимо синих,
Какой-то робкий и тревожный свет.
И я спокойным быть уже не в силах,
И все смотрю — успела или нет?

* * *

Не скажет дорожная лента
И птицы, что в рощах поют,
За что это красное лето
Все исстари бабьим зовут.
Печально и неистребимо
Живет на Руси испокон
Пора возвращенья любимых
Из долгих походов и войн.
Ждет женщина мужа до снега.
А где-то лишь хрустнет шелом
И конь за конем печенега
С пустым понесется седлом.
Поля полыхают багрово.
И в свой горемычный черед
Вот женщина ждет с Куликова,
А вот — с Бородинского ждет.
И матери наши недавно
Чуть что — выходили из хат
И грустные, как Ярославна,
Смотрели на красный закат,
Тревог и надежд не ослабив,
Верны на всю жизнь одному...
Вот лето, наверное, бабьим
У нас и зовут потому.
Прощальное, светлое лето
С кипеньем листвы на кустах.
А может, придумал я это?
А может все это не так?
Но женщины вдаль из-за тына
Все смотрят, привстав на носки.
Ложится бело паутина
На их молодые виски.

* * *

Сторона любимая, приметная,
У тебя приметы есть предметные.
Только вот им верить не приходится —
Все они изменчивы, как водится.
Где-то есть такие ж кедры с соснами,
Где-то есть такие ж зимы с веснами,
Горы есть со снеговыми шапками
И поселки с трубами и шахтами.
Только нет нигде чего-то главного,
По цене одной лишь жизни равного,
Очень близкого чего-то, очень местного,
Сердцу только одному известного.
Стоит лишь откуда-то вернуться,
Как готово сердце захлебнуться.
Весь мой век такое с ним случается.
Пробовал унять — не получается.

* * *

На обезлюдевшей окраине,
Где два холма, как два горба,
Вовсю воронами ограяна
Моя мальчиночьья судьба.
Весна.
Хрустит ледок, продавленный
Заиндевелым дном ведра.
И лихо пляшут на проталинах
Густые синие ветра.
Теплом исходит солнце набедно
Над незапаханным жнивьем.
А это значит — будет ягодно.
А это значит — заживем.
У месяца все тоньше лезвие —
Пойдут дожди того гляди...
Еще шоссейные, железные
Мои дороги — впереди.
И только сказки бурно радуют,
Пугает тьма в сырых логах.
Да гонят спать.
Да звезды падают.
Да плачут цыпки на ногах.

СТАРЫЕ ПЛОТНИКИ

Они еще воют с бедами,
Не поддаются до поры.
Еще отточенные дедами
Не затупились топоры.
Недавно пенсия получена.
Так что ж, сидеть?
Свой двор мести?
И им правлением поручено
Чинить колхозные мосты.
Забудешь речку с вязкой тиной
И аромат земных паров,
Забудешь все, любуясь дивною
Работой старых мастеров.
Застынешь молча у обочины,
Глядишь, как яростно в брусок
Врубается топор отточенный
От сапога на волосок.
Всегда приветят подобающе,
С собой на свае примостят,
Достав зеленый, с ног сшибающий,
В больших кисетах самосад.
И не спеша, на темы местные —
Рассевшись будто бы на час —
Нам разговоры интересные
И начинать бы в самый раз.
Но увидав, как с грузным кузовом
Машина тронется в объезд,
Они потупятся конфузливо
И подниматься станут с мест.
Докурят самокрутки с жадностью,
Чуть виноватый примут вид —
Мол, извини, дружок, пожалуйста,
Работа срочная стоит.

ДОМ С КРАЮ

Наверное угрюмый плотник
Срубил его, как знал, как мог.
В его пазах глухих и плотных
Заплесневел болотный мох.

Заплот высок. Стоит не шатко.
Калитка целый день — взхлоп.
И крыша серая, как шапка,
Надвинута на низкий лоб.

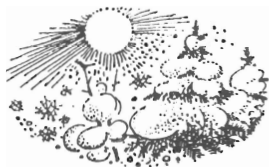
С прищуром хитрым и сторожким
Он смотрит, прячась за заплот,
На улицу одним окошком
И четырьмя на огород.

Двустволка там в иную пору
Так ахнет, что не всяк петух
С чужой гряды уносит шпоры,
Роняя по канавам пух.

И снова глохнет — крепкостенный
Дом на фундаменте литом,
С верандой, радиоантенной
И с телевизорным крестом.

Себя с пристройками рисуя,
Он неизменно каждый день
Свою короткую, косую
На улицу бросает тень.

Он вроде ничего не просит,
Он вечно с краю, в стороне.
Средь прочих и такие сносят.
Но их совсем не жалко мне.

* * *

Как вихрь, лечу с горы на дно долины.
Лыжни неровность чувствует нога.
А на пути ухабы и трамплины,
Что намела февральская пурга.
Лечу, лечу восторженно и слепо...
Мальчишки ждут на круче снеговой,
Что вот руками я взмахну нелепо
И в пухлый снег зароюсь с головой.
Вот и долина. Ветер еле веет,
Да снег на солнце блещет, как слюда.
Наверное, теперь мальчишки верят,
Что я не упаду здесь никогда.
Не ухну так, что не увижу света,
Ломая молодые деревца.
Да что мальчишки! Сам я верю в это.
И буду твердо верить до конца.
Хотя и знаю, что придет минута,
Придет минута в очередь свою —
Лыжней с горы, свергающейся круто,
Рванусь... И на ногах не устою.

* * *

Ветер веет, не слабеет,
Подгоняет саночки.
Под горою голубеют
Проруби русалочьи.
Ветер сыплет колким снегом,
Выстывают горницы.
За твоим веселым смехом
Вьюга не угонится.
От опушки от сосновой,
От четы березовой,
Ты бежишь на горку снова —
Розовая-розовая.
Из ледовых, видно, окон,
С глубины налимовой,
Оплескали тебя окуни
Водой малиновой.
А потом у тропки торной
Под буянь буранную
Снегири о щеки терлись
Грудками багряными.
Нам смеяться, нам чудесить,
Чтоб сердца оттаяли.
Мы сегодня лет по десять
По домам оставили.
А кругом гудит, сверкая,
Молодая, светлая,
Неоглядная такая,
Ненаглядная такая
Сторона заветная.

* * *

Запорошило снегом плечи,
И все вокруг белым бело.
Я жду тебя, хоть время встречи
Давным-давно уже прошло.

Бегут минуты — восемь, девять...
Дубеют шапка и пальто.
Куда пойти и что мне **делать** —
Не посоветует никто.

Вдали трамвай простукал жестко.
А я все жду, и жду, и жду.
Вдруг — ты!.. Бежишь по перекрестку
У **постового** на виду.

И всю-то снегом опушило.
И вся лучиста, как всегда.
И важно то, что ты **слезила**.
Что опоздала — не беда.

* * *

Зима, как прежде, удивила
Тем, что морозы привела,
И реки все остановила,
И все дороги замела.

Протаяв дырочку дыханьем,
Стою, смотрю через стекло
И вижу веток колыханье
И наше старое село.

И холода зиме прощаю,
Ее, суровую, любя
За то, что снова ощущаю
Далеким мальчиком себя.

И городов-то я не видел,
Не видел гор, морей и скал.
И никого-то не обидел,
И никого не приласкал.

И знаю только наше поле
Да потемневшие стога,
Да эти, белые до боли,
Мир полонившие снега.

Спешу смотреть.
Пусть стынет завтрак.
Дивлюсь на светлый зимний вид.
Спешу. А вдруг все это завтра
Меня уже не удивит?

* * *

Мерзнут ноги, мерзнут руки.
Несговорчивый и злой
Ходит холод по округе,
Машет белоюолой.

Он таких снегов насеял,
Что до слез меня слепят.
На дороге сани с сеном
Мне о холоде скрипят.

Я уйду от тех сугробов,
Я уйду от тех возов.
Я от холода попробую
Закрыться на засов.

Только знаю, не согреться
И в натопленной избе:
Все равно напомнит сердцу
Зимний холод о себе.

Не продрогшими возами,
Не сугробом у плетня,
А любимыми глазами,
Разлюбившими меня.

* * *

Кивая ветеркам залетным,
Подсолнух все смотрел юнцом —
Был тонкошеим и зеленым
С рябым, обветренным лицом.
Его потоки солнца грели,
Дождями падала вода.
А семечки все зрели, зрели
И наливались, как года.
За суетою и базаром
Встреч, разговоров, мелких дел,
Ты пронадеялся на завтра,
Ты оглянуться не успел.
А за плетнем уж, громко споря.
Роняя семечки в репы,
Подсолнух твой легко и споро
Вылущивают воробьи.

ВОДОПАД

Никогда не разбивал он лодки,
Не топил их, тяжело бурля.
Днем к нему веселые молодки
Приходили с горками белья.
Возвышалась мельница над кручей,
Как большая черная скала.
Там всегда бранчливой и скрипучей
Очередь мешочная была.
Мужики отряхивали куртки,
Поднимая облака муки.
В водопад ныряли их окурки,
Как черноголовые мальки.
Помнится, что по дворам в ту пору,
О тревожном, непонятном нам,
Шепотком шуршали разговоры,
Точно тараканы по углам.
Лишь у водопада, на запруде,
Из-за шума слышные едва,
Говорились громко, всею грудью,
Злые, наболевшие слова.
Я за то люблю его, как друга,
Что, стараясь шепот заглушить,
Он учил меня и всю округу
Только в полный голос говорить.

ВЕЧНА

Наконец-то стала даль ясна.
Не до книжек стало, не до сна.
Только чаще хочется запеть,
Только всюду хочется успеть,
Видеть, как в строительных лесах
Город молодеет на глазах.
Мы с тобою у Томи-реки,
Где шальные бродят ветерки.
И стоишь ты на горе крутой,
Как второе солнце надо мной.
Вот ты улыбаешься. Кому?
Нет, не догадаюсь, не пойму —
То ли свету белому всему,
То ли мне на свете одному.

* * *

Бор разлегся исстари
Косматою медведицей.
Крикни или выстрели —
Издали ответится.

Двигаться боязно
Прогалинами редкими.
Кланяешься поясно,
Не то исхлещет ветками.

И смотришь, мраком залитый,
Усталостью подкошенный.
На этот гордый, замкнутый,
На этот бор нехоженный.

Что в росте, что порушено —
Здесь рождено и прожито.
Не взято, не подслушано,
Ни у кого не спрошено...

ОСЕНЬ

Злой ветер яро треплет кроны,
Сдирает пышные меха...
Да разве ветреному клену
Надолго рыжая доха!

По деревенским подворотням
Теряют перья гусаки.
А за плетнем , за поворотом
Гудят в грязи грузовики.

И настроенье, как погода,
Сто раз меняется на дню:
То жду я дальнего похода
На Томь куда-то, на Иню.

То будто кто-то обижает,
То веселит, струной звеня.
Как будто друг то приезжает,
То уезжает от меня.

* * *

Не по одежке, не по перстню
С игрой литого серебра,
Встречайте вы меня по песням,
Слетевшим с моего пера.

Верны и радостям, и болям,
Вовеки им не изменяя,
На люди белым-белым полем
Уходят песни от меня.

Под лунной половинной долькой
Их не видать.
Снега, стога...
Какая-то волнует долго
И очень сердцу дорога.

Какая-то прошла по краю,
Не всколыхнув мое житье.
Какую-то еще не знаю,
А лишь предчувствую ее.

СОСЕДКА

Она держала слово свято,
Писала письма каждый день.
Напрасно приезжали сваты
Из трех соседних деревень.

Глаза ее не жгли весельем,
Но оставляли всех без сна —
Как будто приворотным зельем
Плескалась их голубизна.

И, видно, ради злой охулки
За это скоро про нее
По всем плетневым переулкам
Пустили грязное вранье.

Завидев вечером, с утра ли,
Мстя неподатливой душе,
Невозмутимо привирали
К тому, что наврано уже.

И бабы галками галдели,
Придя к колодцу за водой.
И слишком пристально глядели,
И вслед качали головой.

Она же, бедная, не зная,
Кому дорогу перешла,
Была всего лишь молодая,
Всего — красивая была.

* * *

Всё наветы, наветы, наветы —
Как осенние ночи, глухи.
По наветам уходят невесты
И бросают невест женихи.

Постучатся наветы негромко,
А оглушат нас грома сильней.
Даже зорьки лучистая кромка
Вдруг покажется тучи темней.

И гармоники вечером поздним
Умолкают у сонной реки.
Только чудятся всюду по полям —
Шепотки, шепотки, шепотки.

Стынет небо холодным навесом,
Дождь — под стать запоздалым слезам.
Оттого, что поверишь наветам,
Не поверив любимым глазам.

* * *

У реки рябина вянет
Чистая и строгая.
Кто б ни шел — пройдет, не глянет,
А проходят многие.

Я не знаю — тут наветы,
Мелкая ли ябеда,
Но никто со зрелых веток
Не срывает ягоды.

И стоит она, страдая,
У реки под горкою,
И такая молодая,
И такая горькая.

* * *

Дождь перестал, как по указке,
Прогнозам всяким вопреки.
И радуга, коль верить сказке,
Тянула воду из реки.

Тогда
Потом и радуга потухла.
А от дороги в стороне,
Сняв парусиновые туфли,
Девчонка шла навстречу мне.

Идет себе, косынкой машет,
А в пальцах ног ее босых
Навязли звездочки ромашек
И колокольчиков степных.

А птицы пели, прославляя
Косы нехитрое витье,
Но не открыли — кто такая
И как по имени ее.

Пусть встреча та — обычный случай,
Мне не сулящий ничего.
Но я с надеждой самой лучшей
Жду повторения его.

* * *

Его я помню с самого детсада.
Он ростом от меня не отстаёт.
Как он идет!
Нет, это видеть надо,
Как он с работы первый раз идет.

Его лицо еще бело и нежно,
Оно румянцем пышет горячо.
И старенький, красиво и небрежно,
Пиджак наброшен на одно плечо.

Вот, вызывая добрые улыбки,
Руками, что пока еще слабы,
Он пробует — крепки ли у калитки
Отцом когда-то врытые столбы...

Вдали — дымы из труб, огней свеченье.
Припомнилась и мне моя заря,
И трудовое первое крещение,
И ясная погода сентября.

Еще — друзей завистливые взгляды,
И то, как шел домой, всю спеша.
И то, как мать мне посреди ограды
На руки поливала из ковша.

НОВЫЕ ВЕНИКИ

Как в нашем краю
С песенной славой
Гостил июль,
Хмельной да кудрявый.

Проходил по рощам
Буйным ростом.
По просторным нивам —
Хлебным наливом.

По логам, по мыскам —
Запахом ягод.
А по женским рукам —
Уймою тягот.

Тут -то председателю
Дед Мосей
Взял и сказал
При деревне всей:

— Нам, председатель,
Выкрой день.
Не потому,
Что работать лень.
Нет! Другую причину пиши,
Причина одна —
Утоленье души.

Мосей не ропщет,
Мосей не смят —
Слышишь, по рощам
Веники шумят...

Ах, вот он каков
Лесной праздник!
Сотня целая платков
Самых разных.

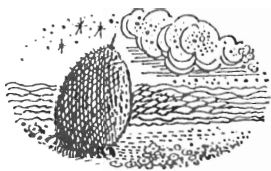
От стара до мала
Веники ломают.
Столько навязали —
Хоть вози возами.

Здесь и этот, и тот —
Всё село в роде.
Кто по веники, а кто —
Побыть на народе.

Девчата — одни,
В глазах огни.
Пришли дуброве
Показать брови.
В березки, в осинки —
Обновить косынки.
Статные, ладные,
До любви жадные.
Красивей искать —
Только время терять...
Иду с вязанкою весомой.
Недалеко и до двора.
Мне жаль, что день прошел веселый,
Что скоро уж придет пора,

Когда засвищут не синицы —
Метель забьется о плетень.
Тогда мне часто будет снится
Березовый июльский день.

И будут сельские просторы
Опять в глазах моих рябить.
И песня слышаться, которой
Не разлюбить, не позабыть.

* * *

Не проченый, не суженый,
Но ведь тебе несущу же я
И запахи цветочные
И строки полуночные.
Где ты пройдеши Россию,
Там сразу всё красивее.
Как будто в скверах, зданиях
И речки очертаниях,
В туманах, зорях утренних,
В лугах, цветами убранных,
Незримо ты растаяла
И часть себя оставила.
Пойми меня, пойми меня,
Мне б звать тебя по имени
Да с легкою, как облако,
С одной тобою об руку
По этой жизни следовать —
И зимовать, и летовать.

ТОМЬ-РЕКА

Твои волны густы —
Гребнями, гребнями.
По преданиям ты —
Древняя-древняя.

А в глубинах средь дня,
Будто кем велено,
Как в глазах у меня —
Зелено-зелено.

Не устала, спеша,
Биться и пениться,
Сестра Иртыша,
Ангары соперница.

Ты себя не берегла,
Ленью не позорилась.
Погляжу — берега
Каменно-мозолисты.

То залив, то рукав,
Ветерки рыскают...
Дорогая мне река,
Самая близкая.

УЗКАЯ ГРИВА

Узкая грива,
Узкая грива,
Бурьян торчком, пшеница — ничком.
Вширь измерялась бедная нива
Заячьим длинным легким скачком.

Давно уже дедушке ветры не дуют,
Давно не поют перепелки в овсе.
Только название еще бытует,
Что дал он когда-то своей полосе.

Выйдешь в поле, волнением тронут:
Приметы — не те.
Места ли не те?
Ноги будто в перине тонут
В теплой лоснящейся черноте.

Стой и любуйся на это диво.
Стой и пространство взглядом вбирай.
Узкая грива,
Узкая грива,
Где же конец твой, где же твой край?

* * *

В стороне от проезжих дорог
Цвел околок — степной островок,
Родниковый царил холодок,
Да палаточный был городок.

Там горели костры -таганы,
Там коптили бока чугуны,
Звали запахом каши и щей
Трактористов и плугарей.

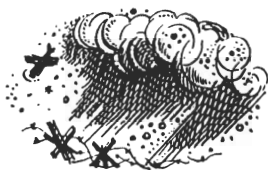
Парни шумно смывали мазут.
И парням этим птицы на суд
Выносили искусство своё,
Прославляя весну и житьё.

Но однажды исчез городок.
Росным утром оставил следок.
Уводил он, меж балок юля,
Далеко, на другие поля.

Только след человека пропал,
Как опять одичали кусты
И окрестный пейзаж потерял
Половину своей красоты.

* * *

Мы в детстве смотрели немое кино,
С утра мы у клуба торчали.
Без денег в кино не пускали, но
Шапчонки нас выручали.
Свою отдавал я, чтоб в зал попасть,
Ее моя мама шила.
И я за нее всю первую часть
Крутил динамомашину.
Я первый крутил. Я сначала сидел,
Крутую показывал хватку.
Потом я вставал,
Потом я хотел
Забросить к чертям рукоятку.
Но очередь ждали друзья на полу,
Что был угрожающе шаток.
И кучей лохматой лежали в углу
Двенадцать мальчишеских шапок.
Я бросить не мог, свою слабость кляня,
Не мог показать, что робею —
Ведь многие были меньше меня
И были, конечно, слабее.
Я смену сдавал в рубашонке сырой.
Мне шапка обратно вручалась,
И только тогда, уже частью второй
Кино для меня начиналось.
Не то теперь время, не то село.
И думаю я очень часто,
Что в жизни и детство мое прошло
Пропущенной первой частью.

* * *

В двенадцать лет мальчишкам редко
Туманит ясные глаза
Текучая, как наша речка,
Солоноватая слеза.
Они любую неудачу
Перенесут крепясь, тайком.
Они не чаще взрослых плачут —
Мужчины в возрасте таком.
И я в ночи ли, спозаранку,
Теперь припомню иногда
Те, на картошке и саранке,
Полусиротские года.
Я за войну привык к заплаткам,
Обнов выпрашивать не смел
И путал горькое со сладким,
Поскольку сладкого не ел.
Я рос характером — железо.
С закваской песенной в крови.
Лишь не хватало до зарезу
Отцовской ласки да любви.
И вот, не жалостливый с виду,
Тогда, в разгар войны самой,
Я привязался к инвалиду,
Что насовсем пришел домой.
Я перенял его осанку,
И — хоть гляди, хоть не гляди —
Медали из консервной банки
Звенели на моей груди.
Однажды я, светлея бровью,
С любовью, что отцу берег —
С большой мальчишеской любовью
Перешагнул его порог.

Но он своим игрушки ладил
И развлекал их день-деньской.
Но он своих детишек гладил
Перебинтованной рукой.
Свистульки вырезал из ветел,
Давал им птичьи голоса.
Меня ж он так и не заметил
За долгих-долгих два часа.
И я ушел с его крылечка.
И мне туманила глаза
Текучая, как наша речка,
Совсем не детская слеза...
Теперь, когда мальчишка плачет,
Совсем не чувствуя стыда,
Я не пройду: ведь это значит —
Стряслась серьезная беда.
Его беда — моя кручина.
Я в дождь и в хлесткую пургу
Остановлюсь с ним, как с мужчиной,
И как умею помогу.

ФОТОГРАФИИ

Мы их храним, с собой повсюду возим,
Иной под старость глаз не сводит с них.
А я на свете прожил тридцать восемь
И фотографий не люблю своих.
Вот детская, веселая. Едва ли
В ней что-то есть от прожитой беды.
А мы отцов в те годы не видали,
Полураздеты были и худы.
Я помню, как улала лошадь в согрe,
Как до района еле добрались,
Где целый час крутил меня фотограф
И добивался: «Мальчик, улыбнись».
И чтобы он меня не дергал грубо,
И чтобы вдруг снимать не расхотел,
Я улыбнулся ясно и беззубо,
И он таким меня запечатлел.
А вот я мрачный на последних фото.
За кем-то взгляд внимательный следит.
Как будто обижаюсь на кого-то,
Как будто я на целый мир сердит.
Я отношусь к ним строже все и строже.
В альбомах или в рамках на стене,
Они всегда удачны и похожи,
Но говорят неправду обо мне.

* * *

Там, где воды и ветра сшибка,
Почти ложатся на пески
Живущие легко и гибко
Молоденькие тальники.

И в той же речке отраженный,
Под тем же ветровым крылом,
Клен встал прямой и напряженный,
Треща негнущимся стволом.

Он крепок. Он в расцвете кроны.
Он видит очень далеко.
И даже легкие поклоны
Ему даются нелегко.

* * *

Сучки, как будто бородавки,
На чистом, скобленном полу.
Смолой сосновой пахнут лавки,
Подбелка свежая в углу.
В окно раскрытое заметней,
Как листья кружат во дворе.
Сама ж хозяйка в самой летней
И наливной своей поре.
Я шумно воду пью из кружки
И не в окно смотрю — левей,
Как гнутся тоненькие дужки
Почти девических бровей.
От них былому не начаться,
Хотя подковками легли...
Их брали некогда на счастье,
Но счастья с ними не нашли.
Заглохла и моя обида.
Мне жаль их тоненький изгиб.
Но я, не подавая вида,
Спокойно вышел из избы.
А на крыльце, вздохнув свободно,
Я сквозь какой-то странный звон
Подумал: женщине сегодня
Приснится светлый-светлый сон.
Приснится осень, листьев шорох,
И кто-то из забытых лиц,
И стук мужских шагов тяжелых,
И скрип тесовых половиц.
Она проснется, выйдет в сенцы,
Поймет, что это снов игра,
И одиноко, с болью в сердце
Всю ночь проплачет до утра.

* * *

За пределами российскими
Все века живет молва,
Будто самая росистая
По утрам у нас трава.
Будто, смяв былинки хрусткие
На заре ногой босой,
Для красы девчата русские
Умываются росой.
Будто в пору сенокосную,
Коль любовь в груди крепка,
На отавы ходят росные
Женщины до сорока.
Да и сам не раз я видывал
В росах женщин пожилых
И любви их завидовал,
И наивной вере их.
Но ни разу не обмолвился —
Не вернуть, мол, вам красы:
Пусть подольше верят в молодость,
В свойства чудные росы.

* * *

«Из колодца вода льется,
Вода волноватая...»
У глубокого колодца
Стыну виновато я.
Потому что песня — диво,
Да не мною сложена
И, как первым снегом нива,
Грустью припорошена.
Надо мной в тиши витая,
Продолжает жечь она.
А поет немолодая
Маленькая женщина.
Много лет ее я знаю.
Ею злая долюшка,
Как вода та ледяная,
Выпита до доньшка.
Слышу голос от крыльца я,
От лужка примятого:
«Сама белая с лица,
Любила черноватого...»
Эту песенку простую
За столом не выдымить.
Нет, такую золотую
Просто так не выдумать.
Надо, став едва влюбленной,
Свянуть тоньше веточки
И, встречая почтальона,
Ждать годами весточки.
Надо много в зной и грозы
Той водицы выплескать.
Надо прежде вдовьи слезы
Все до капли выплакать.

Вот идет она с ведерком
В светлом платье простеньком,
Будто тонкая кедерка
По таежной просеке.
Ей легко еще покуда
Мять густую травушку.
Никакие пересуды
Не коснулись краешком...
Гаснет день. Дымятся трубы.
Дым плывет, качается.
У колодезного сруба
Песенка кончается.
И, как в песне той поется,
На траву примятую
Из колодца вода льется,
Вода волноватая.

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

Я жил и пасынком, и сыном,
И крепко знаю оттого —
Как важно, чтобы хлебом сытным
Не обделяли никого.
Покуда ветер злой не дунул,
Слез не стала солона,
До тех я пор наивно думал,
Что хлебу — медная цена.
Была деревня,
Детство,
Хата,
Где нас пугая и дразня,
Среди веселок и ухватов
Пыхтела пышная квашня.
Распахивались окон' створки.
И от поджаренных краях
Над всей округою на зорьке
Стоял крепчайший хлебный дух.
Но — громом расколось небо
И, охладив ребячий пыл,
Однажды мне не дали хлеба,
Когда он так мне нужен был.
Как мы ни слабли, как ни вяли,
Не половину и не треть —
Весь хлеб мы фронту отдавали,
Чтобы совсем не умереть.
И, утешая нас немножко,
Тогда, для постного стола,
Нам так готовили картошку,
Чтоб форма хлебная была.

Напоминая зло и горько
Про беспечальные деньки,
Хрустели вдавленные в корку
Березовые угольки.
Но я в застолице не охал
Иному взрослому под стать.
Вот только рос в те годы плохо,
Так, что теперь не наверстать.
И вот живу под небом синим,
Желая только одного —
Чтобы на свете хлебом сытным
Не обделяли никого.
И каждый пусть себе отметит,
Пусть каждый в памяти хранит,
Что колос — не бренчащей медью,
А чистым золотом звенит.

* * *

Он нас встречал ворчливо: «У, ягнята...»
Жил на краю, где лишь кусты да пни.
На всей земле у дедушки Игната
Далекой даже не было родни.
Была ли у него своя царевна
И долго ль шла одной дорогой с ним,
Никто не знал, поскольку на деревне
Не помнили Игната молодым.
Он поднимался раненько, до солнца,
И, нарядившись в шубу и пимы,
На лавочке у низкого оконца
Садился поджидать конца зимы.
Как будто на базарные обновы,
На санный путь, на черные леса
По целым дням дивились стариковы
Немало повидавшие глаза.
Пугливо жались воробьи к повети.
И сам он, горбясь жалко и смешно,
Мечтал о теплом, недалеком лете.
И начиналось наконец оно.
Тогда он шел в поречные низины,
Где молодой тальник роскошно цвел,
Срезал на выбор гибкие лозины,
Мурлыкал песни и корзинки плел.
Он прут пускал то колоском пшеницы,
То змейкой вокруг березова ствола,
А то — цветком. Любая кружевница
Ему бы позавидовать могла.
К земной красе невыразимо чуток,
Да и свое придумывать мастак,
Все лето он из прутьев делал чудо
И по деревне раздавал за так.

Стучал легонько в раму или ставень,
Уже натужно, тяжело дыша,
И говорил, корзинку рядом ставя:
— Прими подарок, добрая душа...
Давно уж без него рассветы брезжут
И гаснут звезды будто угольки.
Давным-давно никто тальник не режет
И не плетет корзинки у реки.
Но почему-то до сих пор я верю,
Когда бываю в дорогом краю,
Что вот под вечер постучатся в двери
И дед заглянет в комнату мою.
До позднего ночного звездопада
Я жду и жду, но нету никого.
Признаться, мне подарка и не надо,
А только б знать — достоин ли его.

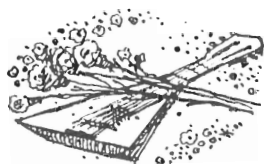
* * *

Теперь не знаю — в шесть ли, в семь ли,
А может быть, чуть-чуть поздней,
Я полюбил вот эту землю
И все цветущее на ней.
Иные равнодушны к рощам,
А мне бы снова в дебри те,
Где я учился между прочим
И красоте, и доброте.
Я пил прохладный сок березы
В старинных русских туесах,
И оттого мой чуб белёсый
И зелень легкая в глазах.
И вот теперь, большой и рослый
Я вижу, что неотделим
От этой теплой, этой росной,
От русской утренней земли,
Где молодое сено косят,
Где ветка каждая цветет.
Земля моя меня не бросит
И никогда не подведет.

У
С
Д
В

* * *

Мы знаем очень много. Это верно.
Мы мудрость накопили за века.
Но отчего грустна у речки верба
И отчего рябина так горька?
Кто мне расскажет?
Все твердят: «Об этом
Поэты нам поведали давно».
Все это так. Но полностью секрета
Мне не открыли книги все равно.
Уеду я в деревню к тем рябинам
И спрошу, не ради злой молвы,
У девушки, обманутой любимым,
И у седой стареющей вдовы.
Мне кажется, они ответят верно,
Как не ответят книги за века —
И отчего грустна над речкой верба,
И отчего рябина так горька.

* * *

Дом как дом. Цветы да занавески.
Я его пороги обивал.
В этом доме я себе невесту
Много лет назад облюбывал.

На вечерках возле сельской лавки,
Я, смущенно опуская взгляд,
Для нее играл на балалайке,
Всё сбиваясь на минорный лад.

Перезвоны рассыпал я густо.
И во всем хозяйину верна,
О моей бессоннице и грусти
Говорила первая струна.

И ее ничуть не повторяя
В чистой перезвонной красоте,
Выводила тоненько вторая
О моей сердечной доброте.

Не тая моей мечты в секрете,
Смутными надеждами томя,
Голосисто подтверждала третья
Сказанное первыми двумя.

Я любимой пел о кленах, ивах,
Звал ее неведомо куда.
Но девчата смотрят на красивых —
Я красивым не был никогда.

Был невзрачней всех в ребячьей стайке.
И когда с другим ушла она,

У моей веселой балалайки
С горьким всхлипом лопнула струна...

Далеки сегодня те тревоги.
В край сердечной первой маяты
Ливни поразмыли все дороги,
Паводки порушили мосты.

Там все так же клен зарей подпален,
И девчата водят хоровод.
И влюбленный некрасивый парень
Струны балалаечные рвет.

* * *

Что-то слишком рьяно
Зной пошел спадать.
Что-то слишком рано
Стало холодать.
Зной стоял в июле.
В сентябре — тень.
Тридцать лет мелькнули,
Как один день.
Тридцать первый начат.
Слышу в тишине:
Обо мне судачат,
Как не обо мне.
Дескать, как ни сетуй,
С памятного дня
Юношам сосед ты,
Пожилым — родня.
Не молва, не вести —
Сам приметлив тут —
Стороной невесты,
Стороной идут.
Я хожу подавленно,
Замедляю шаг —
Что-то тут неправильно,
Что-то тут не так...

* * *

Бродим чащею...
Поздно и рано.
Над оврагом — рябиновый свет.
Чуть в сторонке платок твой багряный
С буйной ягодой слился на нет.

Стынет чаща спокойно и чутко.
От листвы под ногами — пестро.
Просвистела тяжелая утка,
Обронила в траву синь-перо.

А от северных дальних заимок,
Затомленных в таежном плену,
Неожиданный колкий зазимок
Протянул по овражному дну.

Он протек неудержно и яро
Между сосен, стоящих гурьбой,
Между скатом пологим и яром,
Между мною протек и тобой...

* * *

То частый лес, то чисто поле.
А я на ветровом бою
Пою, пою, пою от боли.
Пройдет — от радости пою.

Ведь если говорить по чести,
Не помню сам, с какой поры
Они живут со мною вместе —
Две непохожие сестры.

На перевал от перевала
Брели мы теменью лесной.
Одна со мною ликовала,
Другая плакала со мной.

Одна, как чаща, нелюдима,
Другая — солнце среди дня.
Но обе мне необходимы,
Без них не стало бы меня.

Давно уж детство за спиною,
И юность вышла из игры...
И лишь они всегда со мною —
Две неразлучные сестры.

* * *

Год назад стоял такой же вечер,
Так же были сумерки густы.
Неуемный забияка-ветер
Обдирал заречные кусты.

Ободком оброненного перстня
Месяц чуть поблескивал в воде.
И бродила редколесьем песня —
Я такой не слыхивал нигде:

«На пригорках травы порыжели,
Схолодела в реченьке вода.
Неужели, милый, неужели
Не вернешься больше никогда?»

Вспоминаю вечер тот полынный,
Всматриваться в сумерки устав.
Пахнет резко спелой калиной,
Пахнет соком молодых отав.

В колее осенней вязнут ноги.
И не знаю, тот или не тот
За кустами голос одинокий
Все зовет кого-то и зовет.

* * *

За рекой талиновой, за мельницей
Земляником крашены холмы.
Век ничто, казалось, не изменится —
Ни деревья, ни земля, ни мы.
Буду проходить короткой улочкой,
Чтобы к речке выйти поскорей
С довоенной береженой удочкой,
Вечною грозою пескарей.
И на зорьке, легче одуванчика,
Будет вслед смотреть мне каждый раз
Девочка в цветастом сарафанчике
С жаркими веснушками у глаз.
Ветерок займется и уляжется
В тень под тальники да тополя...
Что ж, ничто не изменилось, кажется,
И деревья те же, и земля.
Только я бываю здесь наездами.
Покидая душный летний дом,
Ночи коротаю под навесами
На клубничном сене молодом.
Только приобрел другие удочки
Все на тех же вечных пескарей.
И спешу по той же самой улочке
К той же речке выйти поскорей.
И зарею утренней просвечена,
Там, где домик низок и угласт,
Мне вослед подолгу смотрит женщина
С темными морщинками у глаз.

НА РОДИНЕ

1

Осенний ветер листья рвет бедово,
Желтит и сушит травы на мысках.
На тракт далекий смотрят избы-вдовы
В повязанных шалашиком платках.

Как будто в каждом путнике далеком
Хотят они родного угадать —
А вдруг вернулся кто-то ненароком
Из тех, кого давно устали ждать.

Ушли родные под Москву, на Волгу,
В июньский незапамятный рассвет.
Прощались — говорили: ненадолго.
Но жизнь прошла, а их все дома нет...

Того гляди — безгромный дождь прольется
На сорный двор за вязью городьбы.
На кровлю, на дорогу, на болотце,
Что — сразу за завалиной избы.

Да, здесь я жил, дороги эти мерил
В студеные военные года.
И знать не знал, словам лишь только верил,
Что где-то есть большие города.

Избенку нашу падеры и грозы
С прихлестом били, налетая вдруг.
А радовали только лишь березы —
Скворечнями, глядящими на юг.

Они качались, на ветру упруга,
А мать, чтоб был приветней дом родной,
Хотя околевали мы от стужи,
Березы не сгубила ни одной.

Как по весне их зеленели шали!..
И вот — до слез обидно! — в наши дни
Они, видать, кому-то помешали,
Кому-то стали застить свет они.

Сижу на пне, в траве стоящем кротко.
Зачем приехал, не жалея дня?
Ведь знал:здесь не счастливая находка —
Потеря въяве заждалась меня.

2

Меня уводит память прихотливо
Назад, к началу жизненных шагов,
Как легкую лодчонку в час отлива
Уносит море вдаль от берегов.

Зима. Сугробы — не откроешь сенки.
Морозный скрип.

В избе — тепло и хмарь.
Висит на облупившемся простенке
Забывтый довоенный календарь.

И мне, мальчишке, разгадать нет мочи:
Зачем, к чему листки календаря —
То черные под стать осенней ночи,
То алые, как вешняя заря.

Ведь что ни день, он жизни не иначит,
Ничуть не осветляет небеса.

По черным
в избах голь да горе плачут,
По красным числам — те же голоса.

Да, что ни день — в печали и остуде:
То дома смерть, то та же боль — с войны.
Откуда знать-то было мне, что люди
По красным числам праздновать должны?

Я часто слышал выдохи: «О, Боже»,
Когда деревню обегал с утра.
И все мечтал, что вырасту побольше
И мно-ого людям сделаю добра.

Дедку, что бородой белее марли,
Дров наколю, в поленницу сложу.
Болезненной и слабой тетке Марье
Весною огород загорожу.

И что-то сладко сердце мне сжимало,
Порой волшебным делало житье.
И над скупой землей меня вздымало,
Хоть я все время ощущал ее.

Катились годы, грохотали тяжко.
Жизнь нелегка, но как-никак — мила.
Потом — моя ровесница Наташка
Неподалеку с матерью жила.

Луна пригасла, тополь содрогнулся,
Когда впервые я, молокосос,
Однажды летним вечером коснулся
Ее метельно вьющихся волос.

Хотя б на миг ее увидеть снова.
Да что я ей? Работа, дом, семья.
А может статься, из угла родного
Уехала куда-то, как и я...

Избу осенний ветер бьет сердито,
Травинки выметает со двора.
Я поднимаюсь: сколько ни сиди тут,
А все ж, однако, уходить пора.

3

Иду деревней. Дождик — как из сита.
Сквозь морось — солнца слабое пятно.
Что ни изба — она для всех открыта.
Что ни окно — то светлое окно.

Вот новый клуб. За клубом — школа. Та же.
Мне так знаком крутой ее порог.
Зовет звонок. И показалось даже,
Что сам спешу я в школу на урок.

А что? Коль говорить без экивоков,
Ведь каждому из нас наверняка
Жизнь очень много задает уроков —
Успеть бы все их сделать до звонка.

Шагаю тихо по ослизлой тропке,
Утерянное будто бы ищу.
«Зайду к Кузьме, — решаю неторопко, —
Как бывшего соседа навещу».

Кузьма Авдеич летом кончил стройку.
Не на год — для столетнего житья.
Изба и все пристройки — ладной кройки
И крепкого, как говорят, шитья.

В избе — тепло. В шкафу теснятся книжки.
Вторые рамы вставлены к зиме.
Одна к другой, как пескари на снизке,
Прищепки бельевые на тесьме.

Седой Кузьма, хоть и смущён немножко,
Так и лучится весь от доброты:
— А я, ты знаешь, подхожу к окошку,
Гляжу — и ты, и вроде бы не ты...

Как поживаю? Видишь сам — неплохо.
Хворь не берет, работы не боюсь.
Вот лишь года...
Не тот уж я, ероха,
Но ничего покуда, не сдаюсь.

Колхоз? Крепчает. Техники богато.
По части кадров — хуже, это да.
В уборку б приходилось туговато,
Когда б не помогали города.

Наталья? Здесь. Во-он дом ее под ивой.
Живут с Петром. Не знаешь? Дальний он.
Мужчина видный из себя, красивый,
И первый тракторист на весь район.

Стихи? Я как-то к ним без интересу.

Читаю раз поэта одного:

В село, кричит, охота до зарезу,

Как будто держат в городе его...

Так и ведем беседу час ли, два ли,

Припоминаем — то Кузьма, то я,

Где и в какое время побывали,

Какие в мире видели края.

Потом Кузьма повел рассказ привычно,

Беря в расчет внимательность мою,

Как тощий клин пахал единолично,

Как первый поднимал колхоз в краю.

Чего-чего не видано за годы

Им, терпеливым русским мужиком,

Чтоб мог спокойно, по-хозяйски гордо

Сказать сегодня: «Хорошо живем».

В окошке клен склоняется упруго,

Качая домик, брошенный скворцом.

А мы сидим, как два хороших друга,

Ну а точнее — будто сын с отцом.

И каждому из нас

При добром деле,

Пусть будет громко сказано — дана

Одна дорога к недоступной цели,

Одна любовь — родная сторона...

Наговорились как душе хотелось.

Пьем да едим. Хозяйка так добра!

Однако, как бы ни пилось, ни елось,

А и отсюда уходить пора.

Я одеваюсь.

Мы с Кузьмою вместе

Выходим из накуренной избы.

— Ну, будь здоров. Да подавай, брат, вести.

А дом Натальин — вот он, не забыл?

Да, вот он, дом...
 Захлюпанный бульдозер,
 Отпугивая словно бы народ,
 Стоит с тупою мордою бульдога
 У самых у Натальиных ворот.

Увидела меня, узнала сразу,
 Зажглась, помолодела вся с лица.
 Как девочка, светла и ясноглаза,
 Легко сбежала с шаткого крыльца.

Но тут же, разом, сникла как-то, сгасла,
 Уже совсем спокойно подошла
 И мне поверх березового прясла
 Смущенно, кротко руку подала.

Горит улыбки лучик оробелый,
 Как слабый отсвет давних-давних дней
 И тает, тает, тает льдинкой белой
 Забытая рука в руке моей.

Чуть схваченные розовой тесемкой,
 По шее и плечам ее вразброс
 Стекают тихой, жиденькой поземкой
 Витки метельных некогда волос.

Да, время, время...
 Стынет между нами
 Ограды грань, глухой калитки щит.
 «Ну, где ты? Как? Какими ты судьбами?» —
 И — все. Ни слова более. Молчит.

Сейчас она уйдет — и вся беседа.
 И может быть, по простоте людской,
 Расскажет любознательной соседке,
 Что нас видала, — кто я, чей, какой.

И лишь каким бывал у ней когда-то,
 Не в этом, а в родительском дому,
 Она, я это вижу, помнит свято
 И сроду не расскажет никому...

Иду, иду...

А над стерниной колкой
Горланит галок несогласный хор.
Холодный ветер с молодого колка
Очёсывает реденький вихор.

Размытая, берет дорога вправо,
За колок, за огорок уходя.
По сторонам кудрявится отава,
Сырая от окатного дождя.

Ах, лето!

И когда оно успело
Свое хмельное справить торжество?
Отпело,
Отшумело,
Отоспело,
И улетело. Нет уже его.

Цветное лето с радугой над лесом,
Чего и веснам даже не дано,
Не потому ли и назвали летом,
Что пролетает быстро так оно?..

Мне до разъезда час с немногим ходу,
Не будь дождя и будь проселок сух.
Но даже если брать в расчет погоду,
То и тогда пройду не больше двух.

Что горевать?

Ведь эти час ли, два ли —
Так, две травинки на густой меже.
Ведь мимо годы, годы пробежали,
Да и притом немалые уже.

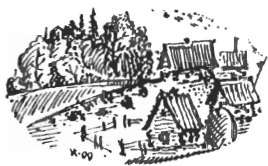
И было надо
После долгих странствий
Вернуться в юность, чуточку скорбя,
Чтобы оттуда чисто и пристрастно
Взглянуть на мир и оглядеть себя.

Не надо славы мне и выгод личных —
Трудиться б так, чтоб нынче и потом
Не чувствовать себя чужим и лишним
В домах друзей
За праздничным столом.

...Скрипят возы. Иду вслед за возами
То хлюпкой колеёй, то стороной.
Все, что пою — оно перед глазами.
Все, что люблю — оно передо мной.

Стернина. Ток. Сторожевая будка.
Над полем вертолет, что стрекоза.
Вдали синее озеро — как будто
Прощальные Наташины глаза...

В ДЕРЕВНЕ

Вот здесь, под низенькими матками,
Когда-то в зыбках нас трясли.
Здесь жили матери солдатками,
А мы — сиротами росли.

Вот, как в стихах любимых Пушкина,
С пригорка прямо до воды
Тропинка узенькая спущена
Веревкой умного Балды.

Белел курган средь луга пегого
И чьи-то кости — по кустам.
И нам казалось: смерть Олега
Шипя, еще таится там.

Нам все до капли книги выдали —
Слов чародейства и красу.
В своем бору тайгу мы видели,
В любом охотнике — Дерсу...

Пусть путь за нами длинный тянется,
Но здесь нам верится легко,
Что все мы — на начальной станции,
А до конечной — далеко.

* * *

Жизнь течет...
Сдается зимушка весне.
Лед ломается на Северной Двине,
И несется от саженных белых крыг
По округе то ли скрежет, то ли крик.
Далеко передо мною — льды и льды.
А на льдинах все — следы, следы, следы.
Вот гадаю: по одной из белых льдин
Человек куда-то шел, да не один:
Каблучки вбивала женская нога,
Рядом след потяжелей — от сапога.
Так и вижу, как идут, тропу торят
И о чем-то вполшепот говорят,
И вокруг себя не видят ничего,
Только видят — он ее, она — его.
Дальше...
Дальше очень грустные дела —
Между ними змейкой трещина прошла,
Расколола, развела по сторонам,
И следы на разных льдинах — по волнам.
Может, все не так, как я сужу-ряжу,
Но с реки я погрустневшим ухожу.
Будто это по моей сейчас вине
Лед ломается на Северной Двине,
И несется от саженных белых крыг
По округе то ли скрежет, то ли крик.

БАЛЛАДА О НОВГОРОДСКОМ КОЛОКОЛЕ

К обедне ехал царь не светел,
А хмур зело и худ, как смерть.
Одет же пышно, как отметил
Оборванный, голодный смерд.
С крылец и черных, и парадных
Вослед царю темно глядел
Мастеровой народ — палатных
И пушечных, и прочих дел.
Перебирали мягкий повод
Сухие царские персты.
От жеребца гнедого овод
Отогнан был за полверсты.
Все было благостно и тихо.
Плескался Волхов под горой.
И никакого вроде лиха
Не ожидалось той порой.
И вдруг, встряхнув пустырь окольный
И лес, и речку за бугром,
С высокой белой колокольни
Ударил колокол, как гром.
Не мелодично, не игриво,
Как прочие колокола,
А так, что царь, схватясь за гриву,
Едва не выпал из седла.
Указ — и колокол на плахе,
Прост, прямостойен и велик,
Как в длинной до колен рубахе
Российский лапотный мужик.
Его кнутами били, били,
Да так, что — Боже упаси!
Ну до чего же не любили
Громкоголосых на Руси...

* * *

В чистом поле, где земля простая,
Где лишь ветры носятся, пыля,
Козырьком ладонь к бровям приставя,
Я слежу за лётном журавля.
Одинокость — кто её не знает?
Одинокость — кто её поймёт?
То ли она силы убавляет,
То ли она силы придает.
Вот летит

один

крыла пластая,

Озирая рощу и жнивье.

То ли он отстал в пути от стаи,

То ли он опередил её.

И кричит над лесом поределым,

Над притихшей речкою кричит.

Он кричит всем напряженным телом

Даже и тогда, когда молчит.

Горло надрывается прямое,

Синий воздух холодит бока.

Может, долетит до синя моря,

Может, до соседнего леска...

* * *

Всласть тебе еще ступать
По снежку, траве ли росной.
Что ж кручинишься опять —
День весёлый, час не грозный.

Просто, от цветов пьяна,
От большой воды и тала,
Рядом шла твоя весна,
А теперь чуть-чуть отстала.

И от поймы, от реки
Непривычно ей, бедовой,
Вслед смотреть из-под руки
За твоей походкой новой.

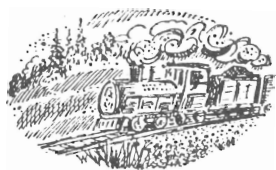
Да за новой красотой,
Не девичьей, подвенечной,
А спокойной, женской, той,
Что грустней, но долговечней.

Ясен, чист, высок зенит.
И твое, в разливе света,
Ярой спелостью звенит
Молодое бабье лето.

Гнать тепло ему дано,
Высветлять цветы и лица.
Пусть звенит. И пусть оно
Долго, долго в жизни длится.

* * *

Крутой подъем.
Дождя и снега помесь.
Кусты в мохнатом медленном дыму.
А машинист вести тяжелый поезд
Помощнику доверил своему.
Я только уголь мог бросать в раструску,
Рабочий стаж мой был предельно мал,
И смысла неожиданной нагрузки,
Признаться, я тогда не понимал.
Мой старший друг и сам был в полной силе...
И вот я сел за «правое крыло»,
За рычаги, которые хранили
Больших, спокойных рук его тепло.
Шел поезд тяжело и напряженно —
Подъем был непомерно затяжной.
И машинист, в приборах отраженный,
Стоял все время за моей спиной.
Курил, как будто в полном отрешеньи,
И радовался, может, оттого,
Что все мои, пусть робкие движенья
Подсмотрены не где-то — у него.
Он тоже ждал, когда по всем приметам,
Увиденным за снегом и дождем,
Последним, круто вздыбленным пикетом,
Мне покоряясь, кончится подъем.
Теперь через любую непогоду,
Какие бы мне грузы ни возить,
Я знаю, где прибавить надо ходу
И на каком уклоне тормозить.
И в сотый раз, крутой подъем встречая,
Поездку помня первую свою,
Я рычаги помощнику вручаю
И за спиною у него стою.

МАШИНИСТ ИВАН ПЕТРОВИЧ

1

В колготливой деповской конторке
Я, сказав себе: «Ну, не робей»,
Подошел к нему после планерки,
Перед первою сменой своей.

И натужными начал словами,
Будто что-то тяжелое нес:
— Я окончил училище... С Вами...
Кочегарить на Ваш паровоз.

По характеру, видно, молчальник,
Он — ни звука, как речка зимой.
Лишь кивнул мне мой новый начальник,
Командир непосредственный мой.

Сухолицый, рябой, как вощина,
Взгляд — воды ручейковой живеи.
Волевая прямая морщина
Жестко врезана между бровей.

Руки в блестках веснушек покойны.
И при солнечных — в окна — лучах
Серебром рассиялись погоны
На его нешироких плечах.

Он пошел к паровозу. Я — следом.
Шел и думал я думу одну,
Что с таким неприветливым дедом
Много лиха, наверно, хлебну.

Ох, не взвидел я белого света —
«Плохи наши, парнишка, дела».
Паровозная песенка эта,
Как пощечина, помнится, жгла.

После — бьюсь я у топки, бывало,
Ну а сам все на деда гляжу
И креплюсь, чтоб не крикнуть в запале:
Погоди, мол, еще докажу!

Сачковать — у нас нет этой моды.
Я не лодырь, не хлюпик какой —
Рос в деревне в военные годы,
С малых лет на работе мужской.

3

И пора мастерства наступила:
Вынес, выдюжил, взял высоту!
И уже не обидно мне было
Слушать песенку легкую ту.

Черный дым по полям развевало.
Путь свободен — зеленый горит.
По подъему несемся, бывало,
Только с небом труба говорит!

Мир широкий — певуч и отраден,
Все отраднее день ото дня.
А Петрович — ну будь он неладен! —
Снова косо глядит на меня.

Мол, машина у нас, не машина —
Захламленный и грязный сарай.
Дескать, вот тебе бак керосина,
Ворох пакли и ветоши — драй!

И безропотно я, безголосо,
Основные освоив дела,
Начищал шатуны и колеса,
И крутую обшивку котла.

Драил я в озлобленьи усталом,
Драил будто Петровичу в месть.
И стоял паровоз под составом —
Обновленный и праздничный весь.

Я уж бросить хотел, отказаться.
Но сверкал паровоз наш в дыму
Так, что мне на него, на красавца,
Стало любо глядеть самому.

Дед, бывало, ни слова не скажет,
Тут же вновь паровоз обойдет —
То на скудную смазку укажет,
То ослабшую гайку найдет.

Изводил меня черт паровозный:
Мол, другие подсказок не ждут,
За машиною смотрят серьезней,
Экономнее топливо жгут.

Обижаясь, утروив старанье,
С каждым днем я все лучше топил,
Начищал паровоз до сиянья,
Ослабевшие гайки крепил.

Да недлительный путь свой итожа,
От рабочего первого дня,
Все гадал: ну за что же, за что же
Машинист мой не любит меня?

Ведь стараюсь же — соль на рубашке,
Топку вижу я даже во сне.
Но в ответ — ни единой поблажки,
Ни минуточки отдыха мне.

Я терпел, но подумывал часто,
Стариком доведенный до слез:
Вот возьму и пойду до начальства,
 Попрошусь на другой паровоз.

4

Но однажды — глазам не поверишь! —
Почему — было мне невдомек,

Взял Петрович мой чистую ветошь
И подраить машину помог.

А узнал я причину подмоги
Лишь тогда, когда с дальних путей
Подошел к нам начальник дороги —
Генерал наш, со свитой своей.

Стал в сторонке, у бровочной кромки,
И сказал то ль себе, то ли всем,
По-отечески так и негромко,
Мол, смотрите: мальчишка совсем.

За плечо меня тронул степенно,
На Петровича глянул в упор.
— Ну и как она, юная смена,
Есть ли хватка, рабочий задор?

Дед зачем-то поправил фуражку,
Повернулся сердито ко мне.
И почувствовал я, как мурашки
По моей побежали спине.

Я подумал: не ездить нам парой,
Отработал нескладный юнец.
Если раньше терпел меня старый,
То теперь-то уж точно — конец.

А Петрович промолвил сурово:
— Кхе... Парнишка крепчает в шагу.
И о нем, кроме доброго слова,
Ничего я сказать не могу.

Полагаю — не зря обучали.
По старанью — другим не родня...
Те слова для меня прозвучали,
Будто гром среди ясного дня.

Так ударила, так оглушила
Сверхнежданная та похвала,
Что не помню, когда от машины
Генеральская свита ушла.

И сегодня нехитрые строки
Я пишу с благодарной душой.
Где ты нынче, наставник мой строгий,
Научивший работе большой?

Где б твои ни легли километры,
Пусть тебе все остатние дни
Дуют только попутные ветры
И зеленые светят огни.

* * *

Только смолкнет дневной
Надоедливый гуд
И уставшие за день
Глаза я закрою,
Ясно вижу тогда:
Паровозы бегут
По сверкающим линиям
Ночью сырою.

Без меня им теперь
Перелесками мчатъ,
Белый дым на откосы
Роняя клоками.
До меня им
Колесами долго стучать,
Мне до них еще дольше
Стучать каблуками.

Я водил их отчаянно,
Молод и смел,
А теперь вот теряюсь
И как-то робею,
Будто я только это
На свете умел,
А другого уже
Ничего не умею.

Ну да ладно, не будем
Грустить-горевать.
Нам на свете дано
Не одно гореванье.

Нам друзей наживать,
Сердцем не остывать,
Рисковать,
Не теряя рабочего званья...

Умолкает дневной
Надоедливый гуд.
Я уставшие за день
Глаза закрываю.
Паровозы бегут,
Паровозы бегут,
Голосистым гудком
Тишину разрывая.

Долго слушаю сердцем
Колес перестук.
И все кажется мне,
Что в туманы и росы
От меня уезжает
Хороший мой друг.
И мелькает в ночи
Огонек папиросы.

* * *

Поле.

Копны снежком примело.
Вербы стынут и клонятся сами.
Здесь — давно ли! — шумело село
С петухами, колодцами, псами.
Люди жили, пускай не в раю,
В закутке своем тесном и дружном.
И на северном знали краю,
Что сейчас происходит на южном.
Но бросать родовое жильё
Где-то взяли впоследствии моду.
За войну, да и после нее,
Поубавилось сильно народу.
Полевая дорога. По ней
Все село раскатилось в итоге.
Кто в район, кто в село послышней,
Ближе к тракту, к железной дороге.
Здесь в грядущие ночи и дни
К небу теплым дымхам не подняться.
Только вербы остались одни
В чистом поле стареть и склоняться.
Вот и все.
Лишь на ровном пути
Вдруг заставило что-то споткнуться,
Оглянуться и быстро уйти.
И вздохнуть. И еще оглянуться.

* * *

Вылинявшая фреска.
Глядит на меня простой,
Рукой Феофана Грека
Выписанный святой.

Суровые, огневые,
Как раскаленный гвоздь,
Глаза пробивают навывлет,
Видят меня насквозь.

Стою я, переминаясь,
Не в силах с места сойти.
Отчаянно припоминаю
Земные свои пути.

Жил я всегда делами.
А хорошо ли жил?
Был я богат друзьями.
А хорошо ль дружил?

Порочил честное имя?
Вытаптывал в поле рожь?
Перед глазами такими
Капельки не соврешь.

* * *

Я слушать никогда не уставал,
И при словах: «А вот у нас был случай...»
Я все свои забавы забывал,
Луга и лес над глинистою кручей.
Средь хмурых стариков-бородачей
Я на крыльце ютился, на ступенях.
И слушал робко рокот их речей —
Таких неторопливых и степенных.
Горели старой памяти костры,
Чуть освещая — старые усадьбы,
Походы мне неведомой поры,
И ярмарки цветастые, и свадьбы.
Мерцал нетерпеливо зорьки свет,
Когда рассказчик — чинно, честь по чести —
Уж очень долго доставал кисет,
Прервав рассказ на интересном месте.
Я много слов запомнил о весне.
Они сияли мне, куда б ни вышел.
Вот только о разлуках и войне
Ни разу слов хороших я не слышал.
Мне много слов запомнилось о зле:
Жилось тревожно, сиротно и вдово.
Я только о родной своей земле
Ни разу слова не слышал худого.

* * *

Счастье, где ты?
Когда тебя встречу?
Иль не выпало ты на роду?
Напиши мне записку — отвечу.
Назначай мне свиданье — приду.

Я уж стал отвыкать от улыбки,
Горько думая думу свою —
Может, ты невзначай, по ошибке,
В жизнь другую вошло, не в мою?

Подсказало бы ты по секрету —
Как твое отыскать мне жильё?
Где ты бродишь по белому свету,
Разнесчастное счастье мое?

* * *

Отойди, время, детство не засти-ка,
Пусть встает предо мной волчья зàсека,
Та, что здесь, за селом, за старицею
Моей крепостью была и столицею.
Пролетал весенний пал черным вороном,
Я над речкою вставал хмурым воином,
Из рогатки бил сорок, бил без промаху —
Все смородину берег да черемуху.
Исходило лето зноем и грозами,
Тяжелели ветки черными гроздьями.
Так, бывало, и горят, так и светятся,
Будто черные глаза моей сверстницы.
Для нее лихой мотив я насвистывал
И поядней кусты ей отыскивал,
Думал, с нею никогда не разлучимся,
В эту зàсеку ходить не разучимся.
Светляки горячих глаз, кудри-волнышки.
Где, кому она сейчас светит солнышком?
Посмотреть бы на нее, взять бы за руки,
Угостить ее смородиной в засеке.
Только засека по пояс заснежена,
И не нами, а другими заслужена.
Речка льдом крепко-накрепко скована,
Снегирями вся смородина склевана...

ПОЛЕ

1

Родное поле видеть мне дано,
Прохладное, в рассветной росной дрожи.
Есть попросторней, но мое одно,
Есть потучней — но мне мое дороже.

Оно не блещет редкой красотой.
Пусть! Разным взморьям, что подобны раю,
Как женщине красивой, но пустой,
Я никогда души не доверяю.

Над полем воздух терпок и упруг,
Не слышен даже крик перепелиный.
Комбайн здесь скоро поплывет, как струг,
Расколется тишину по-над долиной.

Родное поле! Погляжу вокруг —
Какою веет широтой былинной!

2

Какою веет широтой былинной!
Густые волны — с севера на юг.
Но вот откуда горечью полынной,
Заставя вздрогнуть, потянуло вдруг?

Откуда? Нет полыни по соседству.
Хлеб предо мною рясный и резной.
Издалека, наверное, из детства,
Украденного некогда войной.

Я говорил про были те и боли,
И все же повториться не грешно —
Желаю людям не познать той доли,
Чужим, своим ли близким — все равно.

Да пусть меня простит родное поле:
Как блудный сын, я не был здесь давно.

3

Как блудный сын, я не был здесь давно.
Успею, мол. А время поспешает.
Все нахожу причины — то одно,
А то другое, вроде бы, мешает.

Кавказ манит, Карпатский ли отрог...
Ведь кто-то же сказал, обдумав строго, —
Из дома нас уводят сто дорог,
А в дом ведет — всегда одна дорога.

Но отовсюду край я видел свой,
Себя — в ложбине с буйною малиной.
И где-то высоко над головой
Строй журавлей — пунктирный, остроклинный...
Да, я с тропинки этой полевой
Давно не слушал клекот журавлиный.

4

Давно не слушал клекот журавлиный,
И в небо зря смотрю из-под руки.
Быть может, у земли их окрик длинный
Забили тепловозные гудки?

Иль гнезда, свои тихие жилища,
Они теперь перенесли туда,
Где мир поглуше да вода почище,
Обильней журавлиная еда?

Как им сказать, какое слово выдать,
Чтоб поняли они до одного,
Что люди не желают их обидеть,
Что сердцем не черствы... Вот оттого
Над полем журавлиный клин увидеть
Мне хочется теперь сильнее всего.

Мне хочется теперь сильнее всего,
 Дождавшись срока, не жалея пота,
 Убрать до колоска до одного —
 Почетнейшая испокон работа.

Чтоб в битве за бесценное добро,
 Напоминая годы огневые,
 Как «От Советского Информбюро...»
 В страду звучали сводки полевые.

Чтоб неотрывно, по ночам и днем,
 Бессонный штаб следил за обмолотом.
 Чтобы машины с тяжким тем зерном
 Пылили по полям, по всем широтам.

...Хлеб колосится. Думайте о нем,
 Не отдаваясь мелочным заботам.

Не отдаваясь мелочным заботам,
 Родное поле мы беречь должны.
 И за глухим не прятаться заплотом,
 Забыв, откуда на столе блины.

Конечно, бестревожней, скажем прямо,
 Лежать, раскрыв дешевый детектив,
 Иль спорить днями, почему «Динамо»
 Играет лучше, чем «Локомотив».

А тучи подступают неуклонно,
 Как...

К черту краски все! Не до того!
 Смахнуть бы эти тучи с небосклона,
 Отвести беду от поля моего.

Чтоб не взялось огнем от стрел каленых,
 Чтоб градом не повыбило его.

Чтоб градом не повыбило его,
Я, если б мог, прикрыл бы осторожно.
Добрался бы до Бога самого —
При современной технике не сложно.

Взревел бы: — Слушай! Хлеб губить нельзя.
Пусть мы грешны, но ты грешнее втрое!
И имя Бога б помянул — не лъстя,
А как в сердцах случается порою.

Но легче ли от выдумки смешной...
Сливаясь где-то с темным небосводом,
Волнуются хлеба передо мной,
Чуть тронутые золотым налетом.

Не выжгло их, на счастье, в долгий зной,
Не затянуло сорняком-осотом.

Не затянуло сорняком-осотом —
Чисты вокруг низинки и мысы.
Рожь кланяется с важным разворотом,
Топыря густо колкие усы.

Отрадное, ухоженное поле!
В его прибое глохнет шум шагов.
Так вешняя река, почуяв волю,
Кипит, ярится, прет из берегов.

Не оторвать восторженного взгляда
От буйства, от бескрайности такой.
День разгулялся. Ветерок. Прохлада —
Недалеко река, подать рукой.

Но песню мне слагать о поле надо,
О поле, не прохладе над рекой.

О поле, не прохладе над рекой
Слагаю песню — нет завидней доли.

Вот только получилась бы такой —
Прекрасной и простой, как это поле.

Чтоб приняли ту песню, как свою,
В застолье шумном, в шумном ли вагоне.
Чтобы ее в моем родном краю
Запели все вечерние гармони.

Гармони уведут ее во тьму,
В приречные туманы пеленая.
Теплее станет сердцу моему:
Ведь им она — своя, а мне — родная.

Без песни жизнь — не в жизнь. И потому
Пою, слова заветные роняя.

10

Пою, слова заветные роняя.
Не прячу песню крапей в терему,
В который только я дорогу знаю,
А больше нету хода никому.

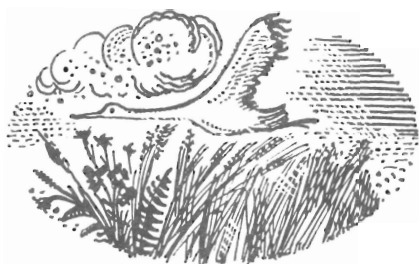
Опустошу и снова пополняю
Метафор да эпитетов суму.
Притачиваю слово, подгоняю,
То вытяну строку, а то ужму.

Не все слова моей послушны воле,
Но радуется сей труд, как никакой.
Я много пел о том, как рос не в холе,
О красоте и доброте людской.

А вот сегодня я пою о поле,
Не лгу, не лгу ни словом, ни строкой.

11

Не лгу, не лгу ни словом, ни строкой,
Поскольку сам, как людям, верю слову.
Лгать — в пашню нерадивую рукой
Бросать весной не зерна, а полову.

Я сызмальства запомнил свойство слов:
Коль искренни — их мощь неодолима.
Вот почему, как некий рыболов,
Поймав ерша, не говорю — налима.

Степная ширь все шире, все ясней,
Прозрачней, чем стеклянный полдень мая.
И марево слегка дрожит над ней...
Любуюсь жизни праздником. И знаю —

Не станет поле русское темней,
Когда угаснет песнь моя земная.

12

Когда угаснет песнь моя земная...
Нет! Не о том задуматься пора —
Мне б слово-семя в души зароняя,
Взрастить побольше стебельков добра.

Да выжили б они, когда обнимет
Зима бурной заветью крутой,
И дали бы такой же тучный вымет,
Как рожь на этой ниве золотой.

Лежу во ржи, легко раскинув руки.
Холмы, темнея шерстью травяной,
Приняв на спины облачные вьюки,
Обходят поле, тянут стороной.

Мне хорошо.

Глуша земные звуки,
Пусть поле золотится надо мной.

13

Пусть поле золотится надо мной.
Ему — простой венок моей поэмы.
Я не боюсь, что критик записной
Злорадно упрекнет за узость темы.

Не стану хныкать, проклинать житье,
Вот-де опять досталось на орехи.

Ведь так от века — каждому свое:
Кому пахать, кому искать огрехи.

И все ж, друзья, давайте жить светло,
Друг другу бед, обид не причиняя.
И делать все, чтоб рассыпалось зло,
Не омрачалась дружбы даль сквозная.

Чтоб поле наше русское цвело,
Тяжелые колосья наклоняя.

14

Тяжелые колосья наклоняя,
Уже держать себя не в силах рожь.
Ты слышишь, ветер?
По свету гоняя,
Крутись, где хочешь, поле — не тревожь.

Эй, кто там скачет? Выбирай дорогу!
Ты слышишь, всадник? Или ты ослеп?
По жемчугу скачи, смолчу, ей-богу,
По золоту — смолчу. Но это — хлеб!

С ним никакая не страшна остуда,
Задорней свадьбы, праздничней вино.
Синей, ясней небесная полуда,
Приветливее каждое окно.

Безмерно буду счастлив я, покуда
Родное поле видеть мне дано.

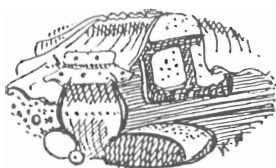
15

Родное поле видеть мне дано.
Какою веет широтой былинной!
Как блудный сын, я не был здесь давно,
Давно не слушал клекот журавлиный.

Мне хочется теперь сильнее всего,
Не отдаваясь мелочным заботам —
Чтоб градом не повыбило его,
Не затянуло сорняком-осотом.

О поле, не прохладе над рекой
Пою, слова заветные роняя.
Не лгу, не лгу ни словом, ни строкой.
Когда угаснет песнь моя земная —

Пусть поле золотится надо мной,
Тяжелые колосья наклоняя.

* * *

Мы шли таежною тропой,
Туманы землю остужали.
Деревья плотною толпой
Шумели, словно угрожали.

Я думал в дремной полумгле,
Придя к избушке чуть приметной,
Что нету места на земле
Мрачнее, глуше, неприветней.

Вошли. Под низким потолком
Дышало все приглядом женским.
Пахнуло печкой, молоком —
Забытым духом деревенским.

К нам вышла женщина. Проста,
Со взглядом кротким и стыдливым.
И вся как будто налита
Медово-ягодным наливом.

И улыбнулась у стола
Улыбкой зыбкою и краткой.
Как будто все еще спала
И сон досматривала сладкий.

Но, спохватившись как-то вдруг,
Заговорила часто-часто,
Что вот — одна. И что супруг —
Лесник. Он где-то на участке.

Еду вносила из сеней,
И запахи поляны росной

В избу врывались вслед за ней,
Легко клубясь, как пар морозный.

Она ступала по избе
Дорожкой тканюю рябою
И так красиво о себе
Рассказывала всей собою.

А вслух — про мужа своего,
С любовью, скрытой в синем взоре.
Словечки «мой», «у моего»
Тепло мелькали в разговоре.

Слова, которые она
Как будто сердцем излучала,
Хоть и дарила нам сполна,
Но все их мужу посвящала.

И я подумал в полумгле,
В избе таежной неприметной,
Что нету места на земле
Уютней, ласковей, приветней..

Мы уходили поутру,
И женщина, простившись строго,
Стояла долго на ветру,
Нас провожая в путь-дорогу.

Мы в город шли, в разлив огней,
Ее средь леса оставляли.
Но не было в глазах у ней
Ни зависти и ни печали.

***

Полюбуйся, человек, позарься
На нерукотворную красу.
Здесь волна зеленая Пызаса
Обнялась навек с волной Мрассу

Столько круч, порогов было столько!
Знать они в таежной синей мгле
Верили от самого истока
В неизбежность встречи на земле.

И теперь под скалами резными,
По тайге разбросанными сплошь,
Никакой бедой их не разнимешь,
Никакой водой не разольешь.

* * *

Огни рассыпаны в лесу.
Огни, ну что мне делать с вами?
Как будто в дно шальной Мрассу
Вбивают золотые сваи.

Коростели пугают сов,
И ничего не слышно кроме.
Туда, на их скрипучий зов,
Я перееду на пароме.

Я тоже сов пойду пугать
И лешим хохотать по рощам.
И будет на чем свет ругать
Меня зевающий паромщик.

К воде склоняются кусты,
Тревогой пенятся пороги.
А где и с кем сегодня ты?
И по какой идешь дороге?

Я в Горной Шории живу,
И золотыми вечерами
Все жду тебя и все зову,
Как будто ты не за горами.

* * *

У лодчонки узкая корма,
У девчонки по платку — кайма.
А девчонка— самые лета,
Чье-то гореванье и мечта.

В песенке, плывущей вдоль реки,
Чудится касание руки,
Плеск, журчанье родниковых струй,
Чистый взгляд, несмелый поцелуй.
Быстрый, зоркий ястреба полет.

Пой, девчонка!
И она поет.
Льется тихий свет над Кабырзой,
И не пахнет никакой грозой.

СТАРОМУ ШОРЦУ

Молча держишь махру и кресало,
Поседельй, как горы, бобыль.
Может, вспомнил горянок-красавиц,
Тех, которых когда-то любил?

Не для них ли с запасом толкана
И с мечтою о жарких ночах,
Ты пудовую тяжесть капкана
Через горы таскал на плечах?

Из-за них ты срывался в потоки,
Из-за них шел на рысьи огни,
Потому что, как ночь, чернооки
И таинственны были они.

Нынче старость тайгой обступила.
Трудно верится в дебрях ее,
Что когда-то без промаха било
Саморучной работы ружье.

И вздыхаешь ты горько, без фальши,
Оттого, что по горной тропе
Зверь уходит все дальше и дальше,
И за ним не угнаться тебе.

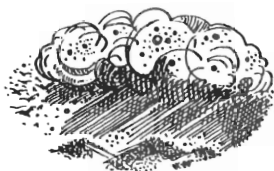
Над родимую древней долиной,
Стариковской кручиной томим,
Стынешь ты на вершине орлиной
И завидуешь внукам своим.

И глядишь неотрывно и зорко
Из-под смуглой ладошки худой,
Как уходят в рассветную зорьку
Поезда с таштагольской рудой.

* * *

Казалось, дебри всё густели —
Я жаждал встречи с родником.
И продирался еле-еле
За стариком проводником.
Курил махорку древний шорец,
Под нос по-своему басил.
Среди деревьев таял шорох
Его растоптанных бахил.
Он шел легко, как юный воин,
И часто где-нибудь у пня
Садился, весел и доволен,
И терпеливо ждал меня.
Я падал, больно ушибался,
Геройски ссадины терпел.
Он это видел, улыбался,
А сам все пел и пел, и пел.
Он пел о солнце, о пороше,
А может, вовсе о другом,
Но пел о чем-то о хорошем,
О чем-то очень дорогом.
Мы шли скорее и скорее.
Лес расступался и мельчал.
Тайга кончалась.
И, старея,
Таежник сник и замолчал.
Я шел привычно через поле
И за плечами уносил
С запасом пороха и соли
Запас его
таежных сил.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Неотвратимо копится она,
Затягивает небо, точно невод.
Речная харьюзистая волна,
Всегда такая светлая — темнеет.

И Каратаг с вершиной в облаках
Слегка дрожит.

Как ночь, чернеют скалы.

Ревет поток.

А может, то в горах

Трубят тревогу старые маралы.

Торопятся и лодки, и возы,
Тревогу эту трубную слышат...
Я знаю, что порой страшной грозы
Предгрозовое жуткое затишье.

Еще я знаю — мне людей глаза
Рассказывают с болью неживою,
Что каждый миг нежданная гроза
Сгущается над чьей-то головою.

Пугливо умолкает птичий гам,
И знобкий холодок бежит по водам...
И хочется по сопкам, берегам
Неколебимо стать громоотводом.

Утес такой — не подступиться.
И, каменно сливаясь с ним,
На выступе большая птица
Сидела пугалом лесным.

К глухим камням безвольно жалась,
Свое как будто отжила.
И вызывали только жалость
Ее поникшие крыла.

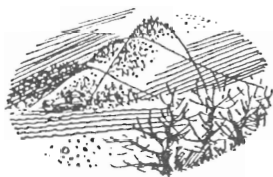
Но ветер с гор ударил косо.
Все зашумело, ожило.
И птица сорвалась с утеса,
Расправля крылья тяжело.

И, споря со струей тугою,
Вдруг обернувшись молодой,
Пошла кругами над тайгою
И над озерною водой.

Вновь различала сверху зорко —
Бурундука на мшистом пне,
Любую щель, любую норку
И каждый камешек на дне.

И птицу стало мне не жалко —
Ведь я не знал ее такой.
А стало только жарко-жарко
От тайной зависти людской.

Пусть эта зависть мне простится
И до конца во мне горит.
Я понял, что любая птица —
Красивая, когда летит.

ГОРА ВЕТРОВ

Над призрачной таежной синью,
Над быстрой Томью и Усой,
Гора, как будто обессилов,
Свернулась рыжею лисой.

И, приглушая крик и выстрел,
Крутя травинки на лету,
Там ветры носятся со свистом
По оголенному хребту.

Где грозно грозы назревают
Над красотой кедровых крон,
Чернеет камень ноздреватый,
Обветренный со всех сторон.

Не раскрошить его руками,
Не разломить, не разрубить.
Остался чистый твердый камень —
Такой, каким он должен быть.

Каким века прожить он должен.
А что не прочно — в пропасть, в ров...
Давай и мы, мой друг, подольше
Побудем на горе ветров.

В морозящее утро
Из глухого угла
Лодка тихо и утло
К теплоходу плыла.
Лодка все удалялась
От избушки в дыму.
И волна ударялась
О крутую корму.
Горы высились четко —
Ни дымков, ни огней.
А старушка в лодчонке —
Ближе... ближе... видней.
Что могло приключится?
Не беда. Не вина —
Сына в город учиться
Провожает она.
Ветер ей напевает
Из-за горных хребтов,
Что один убывает
Из шестнадцати ртов.
Что в задымленной хате
Старой матери вдруг
Завтра ой как не хватит
Молодых его рук.
Ну да это не горе.
Как-нибудь проживут.
А отучится — горы
Сына вновь позовут.
От весны до зазимка,
И опять до весны
Будет эта заимка
Приходить в его сны.
Вот кричит она: — С Богом!
И глядит на него.
На лице её строгом
Не прочесть ничего.
Только руки ослабли,
Только брови свела.
Только светлые капли
Покатались с весла.

* * *

Я видел журавлей косяк.
Я видел на цветах росу:
Опять охотничий рюкзак
Пустым с охоты я несу.

Передо мной квадрат ворот
И дерном крытая изба.
И струйку дыма в небо льет
Над ней белёная труба.

А сердце там, у сосняка,
Где брови черные дугой,
И губы дочки лесника,
Насквозь пропахшие тайгой.

* * *

Будет тихо и туманно,
И по-летнему тепло.
Будет вновь Аким-и-Анна —
Очень странное село.

Там деревья-великаны
Подбрели к речной косе.
Там про ружья да капканы
Разговаривают все.

Там в шестой избе от края,
При зашторенном окне,
Разведенка молодая
Приготовит ужин мне.

И с печалинкой во взгляде
Скажет: — Дальше не ходи.
Впереди ночные пади,
Мост подгнивший впереди.

Ты подумай, парень, здраво:
Знают все окрест места,
Что живет худая слава
Возле этого моста.

Там разбились поезжане,
Там когда-то у скалы
Острым камнем каторжане
С ног сбивали кандалы.

Зверолова с лисьим мехом,
Приискателя с конем

Мост встречал варначьим смехом
Да тяжелым кистенем.

Там в зыбун глухой, холодный
За колодины и пни
Завлекут тебя болотные
Дрожащие огни...

Я забудусь на минутку.
Замечтаюсь.

И тогда
Станет сладко мне и жутко,
Будто в детские года.

Я увижу деревеньку,
Ветхий мост, где возле скал,
Кто-то девку,
кто-то деньги,
Кто-то голову терял.

И поверю в страхи-байки
Про трясины и леса,
Потому что у хозяйки
Очень синие глаза...

Салаир, Салаир...
Горы с дымкой и с лающим эхом.
Так и слышатся мне соловьи
В поэтичном названии этом.
Думал я: среди горных громад,
Молодые сердца будоража,
Соловьи там гремят и гремят
По всему Салаирскому кряжу.
Только встретился я с тишиной,
И она меня насторожила.
В переулках, большой и смешной,
Останавливал я старожилков.
Прямо спрашивал и намекал,
Соловьи, мол, поют ли ночами?
А они удивлялись слегка
И в ответ пожимали плечами.
Лишь у дома, где нечему цвести,
Где деревьев совсем было мало,
Мне девчонка ответила: «Есть.
Я сама его слышала в мае.
Было звездно и было темно.
Все цвело, месяц был на ущербе.
Он ко мне прилетел под окно
И запел, заливаясь, на вербе.
Только дед разозлен этим был,
Он сказал: «Греховодные птицы»,
И на завтра все вербы срубил,
Чтобы негде им было ютиться...»
Я гостил у тебя, Салаир,
Не проеду и в будущем мимо.
Как поют там твои соловьи
Мне услышать необходимо.
Есть они. Я пойду за реку,
Я шагами все горы измерю.
Я не верю тому старику,
А улыбчивой девочке верю.

Бойся, Анна.
                                слушай, Анна,
И ушам своим не верь:
Кто-то громко, кто-то странно.
Незнакомо стукнул в дверь.

Твой бродяга, твой отходник
С полной сумкой за спиной —
Твой удачливый охотник
Возвращается домой.

Он твои забросит ситцы,
Он не то тебе добыл —
Для тебя в тайге лисицу
Чернобурую убил.

Только входит он сурово,
Точно кедр, высок и прям.
На щеке застыл свинцово
От медвежьей лапы шрам.

Знать умаяла дорога
Через горы и лога.
Знать заметил у порога
След чужого сапога.

Ох, заметил след неяркий,
Потому не ест, не пьет,
Драгоценные подарки
Из мешка не достает.

Не глядит на молодую
И, натуре вопреки,
Клонит голову седую
На большие кулаки.

* * *

По малину за селенье
Мы уходим напрямиком.
Я готов на край вселенной
За своим проводником.
Я спросил ее: — Ты шорка?
— Да, тайга — мой дом, мой кров.
И косынкою из шелка
Отгоняет комаров.
Пни стоят в траве, как стулья.
А она вперед, вперед,
Словно чуткая косуля
По тайге меня ведет.
И малине, и Марине
Наливаться, медоветь.
За Мариной по малине
Пробираюсь, как медведь.
Вот уж новая корзинка —
Тяжела,

тяжела.

Бирюзовая косынка
Поверх ягоды легла.
Я прилег, как будто в доме,
Под развесистой сосной.
Закружились в легкой дреме,
Понеслись передо мной —
То деревья в смутном гуле,
То речные берега,
То Марина, то косуля,
То малиновы лога.

НА ТАЕЖНОМ АЭРОДРОМЕ

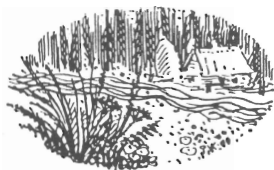
Жарынь-жара.
Ни дождика, ни грома.
Пока бессилен тут любой приказ.
И раскалилась пыль аэродрома,
Как спорящая очередь у касс.
Алтайки едут с ягодною тарой,
Везет пацан в корзинке двух щенков.
А рядом песню тянет самый старый
Из молодой бригады сплавщиков.
А песня эта про тайгу да сопки,
Да про старинное житье-бытье.
Наверно, выпил после смены стопку,
А может быть, он и не пил ее.
Неподалеку женщина проходит.
Такая,
    если за руку возьмет —
Любую непогоду распогодит,
Любую бурю на душе уймет.
Она светла таежным мягким светом,
И молодостью взгляд ее искрит.
Ей, может, кто-то говорит об этом,
А может, и никто не говорит.
А солнце жжет, терпенье наше мерит.
За небом люди пристально следят.
Все ждут и ждут.
    И все, конечно, верят,
Что непременно нынче улетят.

* * *

На бедре со спиртом фляжка,
На другом кинжал-гроза.
На огонь охотник Сашка
Щурит меткие глаза.
Вот и щурит, вот и щурит,
И ни разу не моргнет.
Вот и курит, вот и курит,
Папиросу в пальцах мнет.
Эти пальцы мяли шкурки —
Загорелы и ловки.
Прижигали их окурки,
Примерзали к ним курки.
Сев на краешек уступа,
Как на лавочке в избе,
Сашка медленно и скупно
Повествует о себе.
Горный край, где жизнь сурова,
Исходил он без дорог
Поперек и вдоль. И снова
Трижды вдоль и поперек.
И не раз, изранив тело,
Чуть бредя через лога,
Клял он: «Чтоб она сгорела,
Эта самая тайга».
Но, вершинами кивая,
Так, что любо посмотреть,
Гордо стынет вековая
И не думает гореть.
И зовут, как прежде, чащи,
Словно где-то там тайгой
Ходит-бродит его счастье
Молодою кабаргой.

И алтайца не тревожит,
Что, распадком торопя,
Обмануть однажды может
Вроде б верная тропа,
Что когда-нибудь у речки,
У багряных у рябин,
Вдруг возьмет и даст осечку
Вроде б верный карабин...
Отстегнув со спиртом фляжку,
Разморясь возле огня,
Про себя толкует Сашка,
А как будто про меня.
Пламя ниже,
ниже,
ниже,
Незаметней тень сосны.
Я впервые ясно вижу
Сам себя со стороны.
И, вдыхая синий воздух,
Не пойму в мерцаньи хвой —
То ли искры, то ли звезды
Над моею головой.

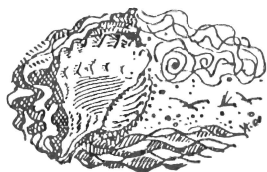

* * *

По долинам роскошные травы.
В чащах — беличий гон по сучью.
Только мне не забыть переправы
За веселую их толчею.
Тут косынок цветастая стайка.
Тут геолог с тугим рюкзаком,
И охотник, и шустрая лайка
Будто дразнит кого языком.
Каждый ищет и верит в победу.
Я в себе ту же веру несу.
Я не просто сейчас перееду
Через бурную речку Мрассу:
Поослабнут канатные жилы,
И на шатком причальном мосту
Я под пройденным и пережитым
Подведу голубую черту.
Будут снова роскошные травы
И устойчивый запах грибной.
Только мне не забыть переправы.
Ни за что не забыть, ни одной.
Голубое, литое обводье.
Дом паромщика. Тропка в тайгу.
И всегда тебя кто-то проводит
И помашет на том берегу.

КАБЫРЗА

Кабырза, Кабырза,
Я видал воочию,
Как дика ты и борза
Валуны ворочаешь.
А у этой вот косы
Тихая ты, тихая.
Даже слышно, как часы
На запястье тикают.
Виснет веток бахрома.
Берега — опрятные.
Ну и пляжи! Задарма!
Почему не платные?
Я сейчас бы деньги — дзинь,
Чтоб с веселым оханьем
В эту матовую синь
Окунуться окунем.
Ты сказать мне не вольна,
Речка окаянная,
Здесь речная глубина
Или океанная?
Может, здесь, вращая в дно,
Под водой стоячею,
Острый камень ждет давно
Голову горячую.
Я вот так,
тропой крутой
Продвигаясь с доблестью,
Бит не раз недобротой,
Спрятанной за добротью.
Но не пал я перед ней,
Как дубок подточенный.
Только стал еще сильнеей
И еще устойчивей.
Потому беру разгон —
Пусть беда встречается.
От прыжка моего
Тальники качаются.

МОРСКАЯ РАКОВИНА

Чтоб помнил море в стороне,
Где моря нету,
Рыбачки подарили мне
Вещичку эту.
И вот прижму ее рукой
Плотнее к уху,
И слышу, как прибой морской
Рокочет глухо.
То он слабеет среди дня,
То так крепчает,
Что за семь тысяч верст меня
И то качает.
И мне мерещится волна
Зеленой масти.
Корежит палубы она,
Ломает снасти.
А вот мне слышится мольба,
Проклятий рокот.
А вот мне слышится пальба,
Орудий грохот...
Мне дороги мои края,
Поля и чащи.
Но к этой раковине я
Тянусь все чаще.
И ясно вижу гроз разбег
И днем, и в полночь.
И четко слышу: человек
Зовет на помощь.

* * *

Я больше живу на колесах,
Я больше на рельсах живу,
И чаще всего на откосах
Цветы тебе ранние рву.
Их мало кто любит на свете.
А может, одна только ты
Влюбленно так смотришь на эти
Пропахшие дымом цветы.
То детскою радостью вспыхнешь —
Совсем не узнаешь тебя —
То вдруг присмиреешь, притихнешь,
Косынку свою бережешь.
Как будто увидишь воочью,
Уйдя от дневной суеты,
Как дыма тяжелые клочья
К земле пригибают цветы.
Как мчат поезда-скороходы
По рельсам вовсю колотя,
Как ветры, да версты, да годы
Навстречу летят и летят.

* * *

Говорят, что годы улетают,
Не найдешь, в каком они краю.
Годы не летают и не тают —
Остаются навсегда в строю.

И с тех пор , как я в дорогу вышел,
Даже если тучи надо мной,
Я спокоен: я все время слышу
Их дыханье за моей спиной.

* * *

Нет, наблюдать не любишь ты,
Как дождь идет, дорогу тыча.
Ни для кого не рвешь цветы,
Не понимаешь пенье птичье.
Непостоянен ты еще
И очень глух к добру и худу.
Как хорошо, как хорошо,
Что я таким уже не буду.

Застыв, не ждешь ты никогда,
Что вот сосна сбежит с откоса,
Что вот русалка из пруда
Появится и выжмет косы.
Сто раз ты около прошел,
Не веря ни в какое чудо.
Как хорошо, как хорошо,
Что я таким уже не буду.

Вот канет этот день во тьму,
И вроде яблоньки-дичонка
К плечу крутому твоему
Прижмется трепетно девчонка.
Ты не узнал еще печаль
И сердца легкую остуду.
Семнадцать лет...
Как жаль, как жаль,
Что я таким уже не буду.

* * *

В. Коротаву

Время зорьки вечерней,
Время длинных теней,
Что вчеканились чернью
В позолоту полей.
Мне тепло здесь, как дома,
Хоть и гость вроде я.
Что ни хата — знакома,
Что ни тропка — моя.
Мне тепло здесь от речи,
От бедовой, живой.
От реки, от заречья,
От травы луговой.
И от песни поемной,
Разливанной, земной.
Не залетной, заемной,
А российской, родной.
Песня тянется сильно,
От раздолья хмельна.
Молода, как Россия,
И стара, как она...
Золотое свеченье
Над расплеском воды.
Время первой вечерней,
Самой яркой
звезды.

* * *

Ну и день на простой олегчалой земле!
Так просторно кругом, осиянно, рябиново.
Будто в мае, орут петухи на селе,
И на небе ни облачка нет. Ни единого.
Бездорожьем бредешь наугад, на авось.
Друг за дружкойю листья, как бабочки,
гонятся.

То ль воркует ручей, просветленный насквозь,
То ли в зарослях где-то невестится горлица.
Мшеет сруб родниковый, наполненный всклень.
В нем вода — не вода, а медвяная бражица.
И от горьких осин даже слабая тень
В этот солнечный день неуместною кажется.
Хорошо, что зовут — а зовут неспроста —
Этот лес, этот дол, дальше — тихая пасека.
Хорошо, что любимые с детства места
Привечают как сына тебя, а не пасынка.
Впредь, каким бы ты холодом ни был продут
И какая бы слякоть ни пала на пажити,
Знаю я: дни остуд отойдут, пропадут,
А вот этот навеки останется в памяти:
Хлебно-ягодный дух на отрадной земле,
Так просторно кругом, осиянно, рябиново.
И орут петухи где-то в ближнем селе,
И на небе ни облачка нет. Ни единого.

* * *

Иду большой, иду неловкий
По незнакомой стороне.
Спокойный свет печали легкой —
И надо мною, и во мне.
Печаль прогнать я не рискую —
Ведь все равно не прогоню.
Другим её не растолкую
И сам себе не объясню.
Забывать ли сердцем вечно юным,
Что год мой дивный где-то там,
Между июнем и июлем
Переломился пополам?
Что, отпылав сине да ало,
Отпраздновав скупой черед,
Пора цветочная привяла,
Пора грибная настает.

У ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРА

Вот и опять поосенело,
Как все века, как все года.
Сливаясь с небом, посинела
Во Ильмень-озере вода.
А на воде обрывки чалок,
Обломок старого весла.
Да стаи лодок, стаи чаек,
Да золотые купола.
А под горой, такой покатою,
Трезвонит ветер в три струны,
Что прибыл к торгу гость богатый
С сибирской дальней стороны.
И впрямь — легка моя походка,
Кудрявы волосы мои.
И лодки мне — уже не лодки,
А птицегрудые лады.
Но не меха при мне, не бочки,
В которых брага медова,
При мне одни лишь только строчки,
Одни заветные слова.
Сибирь на песни не скупая,
И я в себе их не таю.
Я их втридорога скупаю,
Потом задаром раздаю.
И не найду удачи краше,
Зайдя в мечтаньях далеко, —
Лишь слушали б меня, как раньше
Когда-то
слушали Садко.

* * *

Легка, стремительна лодчонка.
И два весла, как два крыла.
Пошла от берега девчонка,
Да так уверенно пошла!

Упругой статью — как осинка.
Взгляд так мечтательно далек.
Над нею чайки в ясной сини,
А перед нею — сто дорог.

Движенья властны и упрямы.
Ей спорить с волнами легко.
Пошла. И строгий окрик мамы
Уже не слышит — далеко.

* * *

Залив бугрило, пенило, качало.
Во мраке — ни гудков, ни огоньков.
У старого скрипучего причала
Стояли тихо жены рыбаков.
И говорили женщины несмело,
Другие вспоминая вечера.
Что ночь темна, и вроде б солнце село
Стремительней и раньше, чем вчера.
Еще о том, что дом натоплен жарко,
Что остывает ужин на столе.
И что маяк, вчера мигавший ярко,
Сегодня тускло светит на скале.
Но я-то знал, что волны были те же,
Закат был продолжителен и ал,
Маяк на дальнем скальном побережье
Все так же ярко морякам мигал.
Еще я верил: как прибой не бухай,
Раскачивая легкие буйки,
Вернется сейнер в маленькую бухту,
К родным огням пробьются рыбаки...
А где-то ты одна в сыром буране
Оставлена впервой за много лет.
Как хорошо, что у меня заране
На скорый поезд выправлен билет.
И я пробьюсь через любое лихо.
Но кажется ль тебе в миру ночном,
Что поезда ползут чрезмерно тихо,
Что меркнут звезды над твоим окном?

КАКОЙ ЗЕМЛЕ ПРИНАДЛЕЖИМ

*Фрагменты поэтического репортажа
о Земле Кузнецкой*

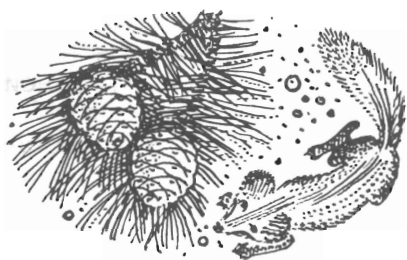
ЗЛАТЫЕ ГОРЫ

Еще пейзаж с зимы небросок
И принимается душой,
Как беглый черновой набросок
Картины буйной и большой.
Но даже в глубине урмана,
Где вьюг еще приметен след,
Свежи березы и румяны,
Как девушки в семнадцать лет...
Село Солдаткино.
Предгорье.
Бор мрачноватый даже днем.
Тесно старинное подворье —
Река почти что под окном.
В избе тепло, уютно, чисто,
А не какой-нибудь содом.
Сидим у деда Феоктиста,
Беседу за чайком ведем.
Он крепко жизнью терт и пуган,
Лицо известное окрест:
С той мировой еще Пичугин
Принес Георгиевский крест.
Он приискатель, он и плотник,
Мастак косить, метать стога,
А главное — такой охотник,
Каких не видела тайга.
И потому-то разговоры,

Вся речь его не про войну,
А про златые эти горы,
Да про охоту в старину.
И молодо глаза лучатся,
И щеки — будто снегири.
Ну нипочем не догадаться,
Что деду восемьдесят три...
«Дак было дело, ребятишки,
Безделья сызмальства не знал:
Мыл по распадкам золотишко,
Антихрист бы его пятнал.
Бывало, бьешься, сердцу тесно,
В глазах темнеет, день не в день.
А там, где фарт, давно известно,
Гуляет нож или кистень.
А то — медведь...
Как лист трясешься,
Колотит — что возьмешь с юнца.
А без добычи возвернешься —
Жди доброй взбучки от отца.
Не раз к земле от страха гнуло,
Пока окреп, поднаторел.
Потом чуть что — в тайгу тянуло:
Петлю настроить, самострел.
И как ни то, а за неделю
Возьму хотя бы одного.
Привык, втянулся в это дело
И не бросал всю жизнь его.
Теперь не то уже, ребята,
Давно я мишки не видал.
Тайга, знать, стала скуповата,
А может, хуже видеть стал.
Вон и централка-бескурковка
Висит без дела много лет.
При мне и опыт, и сноровка,
Да жалко — молодости нет.
Не пробрести тропюю скользкой,
Свалюсь, как тот ячменный куль.
Дак, значит, вам на «Комсомольский»,
На Макарак да Берикуль?
Отсюда — в горы, к те-ем вершинам.
Легко достигнете вы их:
Оно, какая ни машина,

А все — не на своих двоих».
Итак, взяла дорога в гору.
Крута, извилиста она.
И даже мощному мотору
Подмога, кажется, нужна.
Направо глянешь и налево —
То кедры подпирают синь,
То лиственницы-королевы
Среди молоденьких осин.
Горят снега в кремнистых складках
До боли, режущей глаза.
И соснячок в глухих распадках
Кудрявится, как мох в пазах.
В полдневной дреме, начеку ли
Подорлик слился со скалой.
Блеснув, полоска Берчикуля
Пропала за зеленой мглой.
И снова — голые сушины,
Березник, темень кедрача.
Мосток. И тормозит машина
У придорожного ключа.
Он не в теснине бьет глубокой —
Там ключ не нужен никому.
А у такой дороги бойкой
И место самое ему.
Здесь кто бы с ним ни повидался —
Приветит, угостит того,
Как друга, с кем давно расстался,
И встретил наконец его...
Но вот последняя высотка,
Обрыв — и Кия на пути,
Как та внезапная находка:
Нашел — и глаз не отвести.
И самой дивной из находок,
Искря огнями в полумрак,
Лежит редчайший самородок
Долины Кийской — Макарак.
Над Киею утесы четки,
Остры, отвесны до беды.
Как рыбыны, белеют лодки
Неподалеку от воды.
Смолой да половодной тиной
Несет с косы береговой.

Поет над узкою тесниной
Пролетный ветер верховой.
Вдоль всей излучины укромной
Расселись избы, как сычи.
А над стремниной трос паромный
Скрипит, как коростель в ночи.

ВЫСОТЫ ЧУМАЯ

Опеленутый дымкою туго,
Встал Бухтай островерхий вдали.
И глядит свысока на округу,
Будто он — пуп Чумайской земли.
Пусть он гордо взметнулся под тучи,
Пусть орлом озирает простор,
Только есть здесь высоты покруче,
И о них — впереди разговор.
А пока постоим у Бухтая,
Помолчим, благо нет никого.
Только ворон кричит, пролетая —
Трехсотлетний знакомец его.
Нам у них не добиться ответов,
Хоть, наверное, помнят они
Стародавние стойбища кетов
И охотников пришлых огни.
Помнят оба, насупясь угрюмо,
Как, сводя вековые леса,
С одного неказистого чума
Здесь поселок Чумай начался.
Им слышны крики кетской стоянки,
Топоров перестуки слышны,
И раскатистый грохот берданки
Партизана гражданской войны.

ЧУМАЙ 1918 г.

Не шумит Бухтай-гора
И тайга — немая.
Тяжко. Слезная пора
У крестьян Чумая:

Жизнь свернув на старый лад
Шомполовым боем,

Стал карателей отряд
На селе постоем.

Горевая полоса.
Где тут быть веселым...
И такие ж голоса
По окрестным селам.

Хоть и глух воротный створ,
Хоть крепки запоры,
Одолели каждый двор
Грабежи, поборы.

Сбрую дай и добрых кож
Для ремней и ранцев.
Если малый к строю гош —
Дай и новобранцев.

С мужика дерут в селе
По четыре шкуры:
Чтобы были на столе
Жареные куры.

Масло, сало кабана,
Язь на сковородке.
Да казенного вина
Четверть посередке.

Все тащи, мужик, к вину,
Всей душой страдая.
Да подальше прячь жену,
Если молодая.

Жизнь едва-едва копит.
А у белой шайки
Ненасытный аппетит,
Крепкие нагайки.

... Люди вместе лишь крепки,
Как беда накатит.
Натерпелись мужики
И сказали: — Хватит!

Закипев от злых обид,
Полонили площадь.
Ветер космы теребит,
Лопотьё полощет.

И пока речьми звеня,
Надрывали глотку,
Окружила солдатня
Ту мужичью сходку.

В спины — острия штыков,
Во стволах — заряды.
Но в руках у мужиков —
Главный чин отряда.

Явно ждет его тот свет,
Темная пучина.
— Бросить ружья всем, а нет —
Враз прикончим чина!

Прикажи убрать винты,
Гос-сподин полковник,
А иначе — мигом ты
Станешь упокойник...

Сметку мужиков кляня,
Их дивясь сноровке,
Отступила солдатня,
Унося винтовки.

А когда угаснул день,
Сняв посты у лога,
Мужикам из деревень
Подошла подмога.

Что же дальше?
Воевать!
Сделали засады,
Стали спешно создавать
Пестрые отряды.

Кто обрез, берданку нес,
Винт — добычу в схватке,

Кто — как летом в сенокос —
Косы и тройчатки.

Силу звать во все концы,
По лесам и толям —
В Томск, Щегловск пошли гонцы
Да к Анжерским копиям.

Где ты, помощь шахт и драг,
Городов и станций?
Враг теснит, лютует враг,
Ломятся повстанцы.

Над Чумаем день свинцов,
Он в огне и столах
От карателей-юнцов
В золотых погонах.

С темным гневом сопляков
(В старых нет той прыти)
Женщин бьют и стариков
На большом корыте.

И нахмурился Бухтай,
Сжался постарело,
Услыхав ружейный лай —
Гулкий залп расстрела...

Сед Бухтай.

Он — страж веков.

К самым тучам поднят.
Он героев-земляков
Чисто, свято помнит.

Имена

до одного

Вышумит вам глухо.
Породнилась высь его
С высотой их духа.

МАРИИНСК

Гудками синий воздух вспорот,
Гремят вагоны на бегу...

И вот — разноэтажный город
На левом кийском берегу.

Огнем и временем не сгублен,
Он в молодой своей поре,
Хоть первый дом его был срублен
Еще, наверно, при Петре.

Как из гранита, право слово,
На зорях трубами дымя,
Расселись кряжисто, кондово,
Из бурых лиственниц дома.

И, как на небе хлебозоры,
Светлы, легки на тех домах
Коньки резные да подзоры,
Да ставней кружевных размах.

И этой сказки деревянной,
К нам долетевшей сквозь года,
Случайный путник, гость ли званный —
Ты не забудешь никогда...

Никто не встанет из могилы,
Никто не вспомнит той поры,
Когда окрест запели пилы
И застучали топоры.

И тракт
по склонам и оврагам
Вспорол тайгу издалека.
Как будто кнут хлестнул с потягом,
Рубец оставив на века.

Тогда-то здесь, в сторонке дальней,
С десятка изб пошло село
И разрослось под звон кандалный,
Летящий тягостно и зло.

Глухи тесовые заплоты,
В них ни проломов, ни щелей.
Крепки сосновые ворота
С тягучим скрежетом петель.

Воров, разбойников, бергалов
С клещом и вошью по ремкам
От чащ звериных да увалов
Тянуло к кийским кабакам.

К теплу тащились да ковриге,
Когда мороз сибирский лют,
Бродяги, варнаки, расстриги
И прочий бесшабашный люд.

Тек золотой песок искристо...
Таким, быть может, на заре
Видали город декабристы,
Бредя по тракту к Ангаре.

А после, всю Сибирь проехав,
На город в рвани и вине
Смотрел с возка печальный Чехов
Сквозь запотевшее пенсне.

Дома... Дома.
В коньках, подзорах
Теперь угадываем мы
Мечту людей о ясных зорях,
Их тягу к красоте

из тьмы...

И вдруг от бликов заломило
Зажгло глаза. Что за напасть?
То Кия город okayмила,
На север с юга торопясь.

И ждал ее, а все ж внезапен
Береговой песчаный срез.
Как рыбу невод, ловит запань
Плывущий по стремнине лес.

К воде подходим втихомолку.
Пустынно.

Только старичок
Сидит на черном окамелке,
Плюя «для скусу» на крючок.

Мутна река. Поклев не частый.
Точней сказать — плохой поклев.
— А ну-ка, дедушка, похвастай,
Богат ли нынешний улов?

— Какой улов?

Улова нету.

А так, скажу вам, маета.

Обидно, что от лета к лету

Скудеют рыбные места.

Во-он на реке бревну преграда,

А рыба подошла — и стой.

Пробиться ей в верховья надо,

Ан нет, не взять преграды той.

А ты и рыбе дай протоку,

Не наобум бревешки чаль.

План планом, а с другого боку —

Одно расстройство и печаль...

Рябит вода.

Промозглый холод

Да блики, словно огоньки.

Мы поворачиваем в город

От быстрой золотой реки.

Не слышим городские шумы,

Они как будто вдалеке,

Поскольку все тревожат думы,

Тревожат думы о реке.

Она — красавица района.

Не зря на улице одной

Мы видим: «Кия» — вдоль фронтона

Большой фабричной проходной.

... И не завод, а цех — громада.

Хозяйство шумное девчат.

Как неумолчные цикады,

Машинки швейные стучат.

Текут диагонали реки

И ниток ручейки с мотков.

Десятки лет здесь телогрейки

Шьют для российских мужиков.

Пусть неприглядна для парада,

Пусть в праздник не в ходу она,

Но для работы — то, что надо,

В любые дни и времена.

По Бывало — мокла и горела,
Зн Но что бы ни было, всегда
Ре Исправно, ладно душу грела,
В Не подводила никогда.
Т Она проста, скромна по сути,
П И все мы видели не раз
К Ее в солярке и мазуте —
Б На перегонах трудных трасс.
С В присохшей тине — на путине,
В тавоте — в будке полевой.
В окопной ржавой
липкой глине —
Под Сталинградом и Москвой.
Они и нынче, как когда-то,
На стройки мирные идут.
И по традиции девчата
В карман записочки кладут.

На них и нынче больше спроса,
Чем на моднейший архалук.
Они до полного износа
Хранят тепло девичьих рук.

С ОГНЕМ НА «ТЫ»

Нет, не зря «огонь» звучит сурово.
Неизвестно, где, в каком году,
Только укрепилось это слово
С черным словом «смерть» в одном ряду.
И не зря, наверно, слово это
В битвах от зари и до зари
Возле закопченного лафета
Хрипло выкрикали пушкари...
Жизнь течет и боли избывает,
Гасит беды и уносит дым.
Друг врагом становится, бывает,
Ну а враг перестает быть им.
Человек упрямо и отважно
Пробовал, придумывал, решал,
Чтоб огонь, им добытый однажды,
Строил, а не только разрушал.
И огонь, как бы открытый снова
В черном камне из земных глубин,
Силу дал машине Ползунова
И вращенье роторам турбин.

Днем и ночью, при добре и худе,
Будь работа или жаркий бой,
Научились управлять им люди,
Может, даже лучше, чем собой...
На огонь, в печах ревущий люто,
В щели, как в пчелиные летки,
Николай Демьянович Нарута
Смотрит сквозь защитные очки.
Кряжист, плотен.
Взглядом чист и светел.
Весь — смекалка, опыт и чутье.
Где — прибавит, открывая вентиль,
Где — убавит гулкое дутье.
Как когда-то морехода парус,
Как джигита — норовистый конь,
То ярясь, то сдерживая ярость,
Слушается мастера огонь.
Мастер что-то видит, различает
В мареве расплавленной щихты.
Пламя до морщинок освещает
Крупные спокойные черты.
Человек, знать, крепкого закала,
Если до сегодняшнего дня
Жизнь его большая протекала
То в огне, то около огня.
На лице тревогу иль заботу
Выявил на миг багровый свет.
Ну, а может, мастер вспомнил что-то
Из недавних или давних лет.
... У речушки, что петляет ловко
Средь густой когда-то мартайги,
Разлеглось село Новопокровка,
Где он сделал первые шаги.
Домик, что растил и грел уютно,
Детство, что так быстро отцвело,
Видятся теперь сквозь годы смутно,
Как сквозь это темное стекло.
Но и все ж далекие картины,
Не забыть их...
Галки на стогах,
Кринки на сухих рогульках тына,
Гам на речке, цыпки на ногах.
Земляничный дух по-над лугами,
Наливная край дороги рожь.

За ложок, где костянику ел,
За луга с душистыми цветами,
Что нарвать любимой не успел.
Силу вражью истребляя круто,
За свободу, честь родной страны,
Шел наводчик Николай Нарута
Грозными дорогами войны.
В дымной мгле мешались дни и числа,
Города и села, и поля.
Липецк.

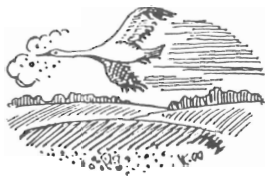
Курск.

Воронеж.

Неман.

Висла.

Марш-броски, бои, госпиталя.
А когда умолкнул над полями
Орудийный и ружейный лай,
Из огня, как говорят, да в пламя
Вновь пошел Нарута Николай.
Постигая мастерства секреты,
В сменах то по дням, то по ночам,
Он от орудийного лафета
Встал вдруг к стекловаренным печам
Встал, хотя еще болели раны.
Лозунг был короткий и простой —
Дать стекло: по всей России рамы
Черною зияли пустотой.
Понимая, что труда — не на год,
Сам хотел и Родина звала
Людам, перенесшим столько тягот,
Дать побольше света и тепла...
На огонь, в печах ревуший люто,
В щели, как в пчелиные летки,
Четверть века Николай Нарута
Смотрит сквозь защитные очки.
Что-то видит, что-то различает
В мареве расплавленной шихты.
Пламя до морщинок освещает
Крупные спокойные черты.
Жидкое стекло, остыть готовясь,
Тянется из пекла не спеша.
И сверкает — чистое, как совесть,
Ясное, как мастера душа.

* * *

В чистом поле, где земля простая,
Где лишь ветры носятся, пыля,
Козырьком ладонь к бровям приставя,
Я слезу за летом журавля.

Одинокость — кто ее не знает?
Одинокость — кто ее поймет?
То ли она силы убавляет,
То ли она силы придает.

Вот летит
    один,
                крыла пластая,
Озирая рощу и жнивье.
То ли он отстал в пути от стаи,
То ли он опередил ее.

И кричит над лесом поределым,
Над притихшей речкою кричит.
Он кричит всем напряженным телом
Даже и тогда, когда молчит.

Горло надрывается прямое,
Синий воздух холодит бока.
Может, долетит до синя моря,
Может, до соседнего леса...

* * *

В ночном бору такая тишина,
Что каждый шаг, как гром, ее тревожит.
Весь день от гама мучится она
И ничего поделаться с ним не может.

В ночном бору такая тишина,
Что невозможно передать словами.
Разлапистая хмурая сосна
Во сне чуть слышно шевелит ветвями.

Едва, едва забрезжит свет дневной
Над лугом нешироким и росистым,
Как станет тишина не тишиной,
А станет пеньем, щелканьем и свистом.

Ну а пока при медленной луне —
Ни хруста, ни звериного разбоя.
И я молчу, давая тишине
Хоть час-другой побыть самой собою.

* * *

Ах, что со мною, что со мною?
Мой быт — не ягода с куста.
Нет-нет да за моей спиной
Шепнут: «Святая простота».
Бывает, встретят и похвалят,
И за меня поднимут тост.
Но тут же тоненько ужалят,
Мол, не поймет — уж больно прост.
Всему с улыбкою внимаю,
Молчанье трезвое храня,
Хоть их, быть может, понимаю
Поглубже, чем они меня.
Иду, спешу к заветным вехам.
Слова чужие бьют как нож:
— Когда ты станешь человеком
И простоту в себе убьешь?
Я не шумлю, я не лютую.
А в думах трудное, свое —
Не как убить ее, святую,
А как бы сохранить ее.

БЕРЕГА

Речка блещет то ярко, то тускло,
Разрезает поля и луга.
Создают ей гремящее русло
Молчаливые берега.

От глухого лесного истока
И до устья, как злая беда,
Их без отдыха точит жестоко
Молодая, лихая вода.

Но они от истока до устья
Стойко делают дело свое,
Глядя с мудрою тихою грустью
На шальные забавы ее.

И в ответ не промолвят словечка.
Лишь бы волны — сильнее и синей.
Ничего, что не в них эта речка,
А они отражаются в ней.

Пусть хвори взяли на заметку,
Но ты сдаваться не спеши.
И не горюй, что пелось редко.
Зато — ни слова без души.

Все гуще, все дробней в низине
Накрапы нудного дождя.

Пора и к дому.

А в корзине —

Одна волнушка, два груздя.

Бреду под тучею-навесом
Промокшей пахотой и мглой.
И все слабее тянет лесом,
Все явственней — сырой землей.

О СИБИРЯКАХ

Хочу сказать по-дружески, по-братски,
Обидеть не желая никого,
Родиться в Красноярске или Братске
Еще не значит ровно ничего.

Какие бы там копыя ни ломали
И как бы в грудь ни били кулаком —
Родиться под сибирским небом — мало,
Необходимо стать сибиряком.

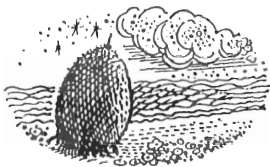
Бывал я с лесорубами на рубке
И лес валил, и грелся у костра,
И руки жал им. Были эти руки
Корявы, что кедровая кора.

Я видел, как охотник белок щелкал,
Умело попадая точно в глаз.
С шахтерами я по-сибирски «чокал»
И чаркой тоже чокался не раз.

И все они — шахтеры, машинисты,
Сибирь из тьмы поднявшие рывком,
Слова не рассыпали, как мониста,
И в грудь свою не били кулаком.

Не выходили напоказ, раззванивая,
Мол, сибиряк, а не какой иной...
Они всегда большое это звание
С достоинством несут перед страной.

Живут трудом. А по труду — награда.
Идут вперед широким большаком.
«Я — сибиряк!» — кричать совсем не надо,
А надо просто быть сибиряком.

* * *

В. Измайлову

1

Тащился катер еле-еле,
Скрипел, перхал в дыму густом.
На баке — гам сплавной артели,
Речник подвыпивший с шестом.

Он щупал дно, фарватер кроя,
Да топляки, да валуны.
И, хохоча, артельных трое
Его держали за штаны.

Река катила величаво,
Качались плавно берега —
Поля ухоженные справа,
А слева — темная тайга.

Нас не пугал ни легкий холод,
Ни ветерок по-над водой,
Поскольку ты еще был молод,
А я и вовсе молодой.

2

Под желтым яром — щучьи всплески.
Там при луне в волнах живых
Чуть-чуть поблескивали лески
И колокольчики на них.

Вблизи, идти на север если
Через подлесочек и ров,
Жила деревня — в пять ли, в шесть ли
К горе приткнувшихся дворов.

Оттуда доносились споры,
Вой, кутерьма, неугомонь.
«Когда б имел золотые горы» —
Играла хрипая гармонь.

Всю ночь в деревне шла гулянка
И незнакомый люд шумел.
Всю ночь пиликала тальянка
Одно и то ж: «Когда имел...»

3

Однажды мы проснулись ночью.
В золе алели угольки.
Тумана собирались клочья
Над стылым оловом реки.

Спала деревня, горы, сосны,
Был тишиною луг примят.
И в этой тишине несносной
Мы вдруг услышали: гремят.

Звон колокольчиков был тонок,
То приглушенной, то слышной.
Снимать с тобой устали с донок
Килограммовых окуней.

Пусть говорят: — Мели, Емеля,
Прибавил вес-то для стиха.
Но колокольчики — гремели,
А уж уха была, уха!..

4

Как далеки — тот вечер звездный,
Костер на берегу реки,
В деревне шум гулянки поздней,
Луна, вода — как далеки.

И где та лодочка-тайдонка,
В какой домой гребли вдвоем?
Осиротело сохнут донки
В бауле сереньком твоём.

«Вернись, бывшее!» — сердце молит.
Но годы катят чередой.
И ты теперь уже не молод,
И я не очень молодой.

Живу, к невгодам привыкая
И груз забот больших неся.
Приходит грусть.
Порой такая,
Что даже высказать нельзя.

Как будто уезжаю скорым
В чужие теплые поля,
И все глядит, глядит с укором
Вослед родимая земля.

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕДА И ВНУЧКИ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ

Закружился на закате
За селом пчелиный рой.
Заблудились дед и Катя
В трех березах под горой.

Как же так?

Лесок под кручей
Стал тайгою вековой.
Ни следа во тьме дремучей,
Ни звезды над головой.

Где же дом с теплом, с обедом,
С мамой, с бабушкой в окне?
Приютились Катя с дедом
Под сосной на мшистом пне.

Борет сон, хоть пень не койка.
Только вдруг в тиши ночной
Им послышался какой-то
Шум на просеке лесной.

Может быть, медведь тропюю
Косолапит к водопою?
Сквозь чащобу ломит лось,
Иль другое что стряслось?

Вышли к просеке без страха —
Нет, не Мишка и не лось,
А ползет, как черепаха,
Длинный поезд — сто колес.

Что за груз сюда привез
Косоглазый паровоз?
Из трубы, что выше пихт,
Раздается: пых, пых, пых!

Странный поезд ход сбавляет.
Не скрипит он, не бренчит,
А мяукает и лает,
Свищет, квакает, рычит.

Не платки видны, не шляпы,
Не корзинки, не цветы,
А рога, копыта, лапы,
Крылья, клювы да хвосты.

В рупор, на трубе который,
Объявили на весь лес:
— Это скорый,
Очень скорый,
Самый скорый наш экспресс.
Сто колес и сто дверей
Для лягушек, птиц, зверей.
Не бодайте, не толкайте,
Не в лесу вы на тропе.
Проходите, дед и Катя,
Вам — отдельное купе.

Поезд медленно отходит.
Машинист гудок дает.
Что в вагонах происходит —
Радио передает.

Вот осел ушами хлопнул,
Вот медведь кого-то шлепнул,
Усмирил зверей: — Не смей
Бегать, прыгать и шуметь!
С нами едут Катя с дедом.
Прежде, чем поспать прилечь,
Надо нам лесным обедом
Угостить их и развлечь.

И зверьки в купе на столик,
Что устроен в виде пня,

Нанесли гостинцев столько,
Что не съесть и за три дня.

В серединке пышно, густо —
Щавель, заячья капуста,
Соки, ягоды, грибы.
По краям — пучки колбы.

Мишка за лесным народом
Протолкался напролом
И, кряхтя, бочонок с медом
Брякнул рядом со столом.

Катя с дедом пили, ели,
А потом концерт смотрели.

Десять раз для Катерины
Филин ухнули с совой.
После цапли-балерины
Показали танец свой.

Лег медведь у переборки,
Как в тайге в тени куста.
Полчаса с него, как с горки,
Кувыркалась мелкота —

И лисята, и зайчата,
Даже хмурые волчата.
А в конце под барабан
Спели козлик и баран.

Скоро все устали шибко.
Час полночный наступил.
Заиграл сверчок на скрипке
И Катюшу усыпил...

Так ли, сяк ли, поезд смело
Ночь простукал. А потом
Посинело,
Посерело,
Посветлело за окном.

Дождик частый, теплый, спорый
Прошумел, пропопотал.

ИЗБА НА ГОРЕ

Памяти В.Д. Федорова

Это было, было, было
Так давно, чуть помню сам —
В год, когда еще рябина
Густо рдела по лесам.

В сограх, в травах, буйно росших,
Пели звонкие ключи.
Без помехи в белых рощах
Жировали косачи.

И у каждой у излуки
Рябь речную, как хлыстом,
От избытка жизни
                                щуки
Били радужным хвостом.

Так, от рощи и до лога,
От опушки до села,
Шла и шла моя дорога,
И к деревне привела.

Деревенька небольшая,
Да со всех сторон видна.
Небольшая речка Яя,
Да какая глубина!

Зачерпнул водицы горстью,
Смыл испарину со лба.
Показалось: кличет в гости
На крутом яру изба.

ДО ШУКШИНА — ДАЛЕКО

Самолетик местных линий
Тянет ввысь, ревет сильнее,
Будто рвутся в тяге длинной
Жилы тысячи коней.

Суется, в окно глазею,
Будто ждет он, друг большой,
В эту жизнь влюбленный всею
Золотой своей душой.

Не обмолвка, не описка,
А подумалось на миг,
Что живет Макарыч близко,
Рядом, если напрямик.

Под окном, поди, петунии
Да ромашки. А в урман
С белой утренней Катунь
Надвигается туман.

Дробный цокот за кустами,
Бряк стремян или удил.
Сколько этими местами
Он побегал, походил!

Правда — громче.

Раны — глуше

Возле матери в дому.
И до дна родные души
Раскрываются ему.

Нет ни зависти, ни сглазу
В гуще кепок и платков.
Там он свой.

Его не сразу

Разглядишь средь земляков...

Самолетик местных линий
Мчит, что лодка налетке,
По бескрайней, синей-синей,
Вправду сказочной реке.

А под нами високосный
Набирает полный ход,
Умолотный и укосный,
По поверью — трудный год.

Солнце плавится в зените,
А Катунь все не видна.
Нет уж, что ни говорите, —
Далеко до Шукшина.

* * *

На берегу у глыбы каменной
До петухов — гармонь, галдеж.
Лишь ты в своей косынке пламенной
Напрасно ждешь,
Напрасно ждешь.
Вот ветка дрогнет, заколышется —
Но это ветер. Так всегда.
Вот говорок вблизи послышится,
Но это — полая вода.
Вот на тропе едва намеченной,
Тень закачается слегка.
Но то — причуды ночки месячной
Да молодого ивняка.
А ты — одна.
Привыкла к горечи.
Всего и счастья, что видна
Вон из того, на малой горочке,
Всегда закрытого окна.
Над яром, над водою плавною
Ты подожди еще, постой,
Светясь красою своенравною,
Своей любовью непростой.
А грянет горе, беды разные —
Перегорюй, перестрадай.
Но никогда, калина красная,
Не увядай,
Не увядай.

* * *

Покатый взлобок. Голь. Потрава.
Свистящий ветер верховой.
Мне так и видится застава,
Казачий пост сторожевой.
Большая степь с травой медвяной
Вся на виду и на слуху
У строгой вышки деревянной
С копной соломы наверху...
И ныне холм в краю предгорном,
Где сказочно земля щедра,
Стал Совести постом дозорным,
Пикетом Правды и Добра.
Высь Шукшина...
Хлеба резные,
Лесок, покос, родник во мху.
Да что там степь ему — Россия
Вся на виду и на слуху.
В подлеске ветер быстр и юрок.
След сапога росой не смыт.
Он был здесь только что. Оурок
В сырой траве еще дымит.
Где ж уголок его сугрева,
Тепла, которым дорожил?
— Спуститесь вниз, а там — налево, —
Кивает некий старожил.
Тропинка на зеленом ворсе.
В низине — дом. И он в дому.
И не спускаться надо вовсе,
А подниматься нам к нему.

* * *

Чтобы от зорних пересверков
Горела, как из янтаря,
Четыре деда чинят церковь
Прилуцкого монастыря.

Не для того, чтоб в ней молились
До шишек-синяков на лбу,
А чтобы, рты раскрыв, дивились
На старорусскую резьбу.

Всё тешут, пилят да строгают.
И так строгают — я те дам! —
Ручьи соленые стекают
По четырем по бородам.

У них не техника всесильная,
У них не камень да раствор,
А лишь береза да осина,
Рубанок быстрый да топор.

И я смотрю, как в стружке вязкой,
Из-под простого топора
Выходит маковка, как сказка,
Как песенка из-под пера.

РЕКА И ОЗЕРО

Река распадками бежала,
Свивалась, как змея в огне.
И ничего не отражала
В своей бурунистой волне.

Свергалась со скалы отрожной
И, нарушая гор покой,
Издалека казалась сложной,
Глубоководною рекой.

Была сварливой, неудобной,
Разбрасывала пену зло.
Вблизи же вся до гальки донной
Просматривалась, как стекло.

К озёрной сини пробивалась,
Несла с собою то и то.
И все лишь ею любовались,
А тихим озером — никто.

А озеро светло лежало.
Спокойно, а не на бегу
Густые тучи отражало
И прибережную тайгу.

И не открыты, не оттаяны,
Недосягаемы извне,
Столековые стыли тайны
В его крошечной глубине.

Он весь кремнёвой был породы,
Как грубо тесаный гранит.
Решила, видно, мать-природа,
Что жизнь потоньше отгранит.
И та взялась работать споро,
Дала немислимый разбег.
Был страшно долог путь сапера
Под прусский город Кёнигсберг.
Не уходили, не сгубили
Потом ни раны, ни хандра —
Впрок закалили, отдубили
Его сибирские ветра.
А жизнь несла неудержимо.
Сливались яростно в одно
Ее пороги и прижимы,
Ее и зеркало, и дно.
И ни любви, и ни зазнобы,
Чтоб к ней, сбивая сапоги,
Нести ожоги и ознобы —
Подарки тундры и тайги.
Прораб на заполярной стройке,
И всем открытый, и — ничей,
Он знал, о чем судачат сойки,
Вздыхает кедр,
Поет ручей.
И в книжечках стихов и прозы,
Где свой особый лад и быт,
Ни лести выгодной, ни позы,
Ни мелких жалоб, ни обид.

Так жил.

За славой не гонялся.
И я, не знаю почему,
Всегда хотел, всегда боялся
Свои стихи читать ему.

КОНСТАНТИНОВО — 1995

Дом. Сад. Амбар. Плетневый перелаз.
Здесь жил поэт, влюбляясь и мечтая.
Здесь без него семидесятый раз
Отговорила роща золотая.

Нет в доме песен, а в амбаре — ржи.
От сада прелью тянет и золою.
И только листья — желтые стрижи,
Мелькают над усадьбой нежилою.

Замшелый клен, состарясь под окном,
Устал клюкой ощупывать дорогу.
Он знал поэта. Он еще при нем
Однажды в стужу приморозил ногу.

И голову рябина о плетень
При нем еще разбила, будто спьяну.
И ей, совсем усохшей, по сей день
Никто бинта не наложил на рану...

Вспять отсвистели годы и ветра —
Предстали те ж поля и перелески.
И мать поэта ждет его с утра,
Раздвинув на окошках занавески.

Он строг и странен в этот свой приезд —
Как будто от дурной какой-то вести,
Ломает брови, плохо спит и ест.
И курит всё,
и не сидит на месте.

Далек, далек, хоть вот он, рядом, сын.
Его судьба томит ее и ранит.
Кто знает, из каких он палестин,
Когда теперь
и с кем домой нагрянет.

В глазах уж нету прежней синевы.
И кудри осеклись. Куда все делось!
Весь год в село хотелось из Москвы,
А из села скорей в Москву хотелось.

Хоть на неделю б у родни застрял,
У изб, лугов и мостиков горбатых.
Куда спешит и что он потерял
На всяких вражках, преснях и арбатах.

В студеном Питере едва ль найдет покой.
Дороги нет и к теплым южным странам.
Недаром тонкий месяц над Окой
Повис кривым персидским ятаганом...

Все явственней навязчивый мираж:
Вот он оделся с тщательностью строгой.
Стянул шнурком суровым саквояж,
На лавочку присел перед дорогой.

Уже с крыльца — слова, обрывки фраз.
Прошел к калитке, помахал знакомо.
Совсем не зная, что в последний раз
Перешагнул порог родного дома.

С тех пор холодный двор и ветхий сад
Хранят в глухом молчаньи год от года
Последний вздох его,
Последний взгляд,
Последний шаг последнего ухода.

ТРЕВОГА

1

Сколько красок, простора
В осенней природе.
В рощах ясно и весело,
Как на народе.
Подтянулся подлесок,
Расправился за год.
Наблюдаю, а сам
Краем глаза — на запад.

Выхожу ли к реке,
А она — с островами.
Острова — со смородиной,
Травами, рвами.
Птичий хор оглушает
И остров, и запань.
Рад послушать, а сам
Краем уха — на запад.

Сентябрем околдована
Дремлет долина.
Всклень уже налилась,
Доспевает калина.
Аж до города тянет
Калиновый запах.
Я вдыхаю, а мысли —
На Запад, на Запад.

2

Не бураны тревожат сейчас,
Не заносы,

Хоть они на подходе,
Уже невдали,
А тревожат ракеты —
Стальные занозы
В воспаленном,
Измученном теле земли.

Через версты и мили
С родимого берега
Мне б продраться к глазам твоим
Рыбьим, Америка.
Не простая, рабочая,
А полигонная,
Вечно алчная, рыщущая,
Пентагонная.

Чтоб в далекие воды
И земли рассветные,
Сеять ужас, болезни,
Увечья, кресты,
Посылаешь свои
Эскадрильи ракетные
И свои,
Начинённые смертью флоты.

Посмотреть бы в глаза:
Неужели в них выстыли
По вьетнамцам в их доме
Прицельные выстрелы?
И обрушенной тьмой
На поля и на пальмы,
Всё на свете смывающий
Ливень напалма?

Неужель так забывчива в них,
Угасима
И мгновенно расплавленная
Хиросима?

Неужели в них капли
Смятения нету
И хоть слабенькой тени
Тоски и вины
За балканские смерти,
За то, что планета
И вся жизнь на земле
Дышит страхом войны?

До чего же мне горько
И дико, и чуждо:
На задворках
Людские желанья и нужды,
Но на каждого —
Все это больно до стона —
В мире груза взрывного
Накоплена тонна.

На любого — в Пекине,
Париже, Гаване.
В знойных тропиках, в тундре,
В тайге и саванне.
Не насущного хлеба,
Не белой крупчатки,
А — подумайте только —
По тонне взрывчатки!

Вот детишки играют,
Малышки-зайчатки,
Все один к одному,
Как зубочки в початке.
Жизнь едва лишь затеплилась,
В самом зачатке,
И над каждой головкою
Столько взрывчатки!

Что там все Чингисханы,
Мамаи, Аттилы
Пред одним лишь зарядом
Неслыханной силы!
Что там все Македонские и Тамерланы,
Если мир на своих
И чужих не деля,
Могут вмиг испариться
Моря, океаны,
Стать оплавленной глыбой
Вся наша земля!

Я хочу, чтоб над миром
Играла погода,

Чтоб в чаду ни единый
Росток не зачах.
Я войну, все четыре
Отчаянных года
На мальчишьях надсаженных
Вынес плечах.

Помню, как лебедой
Заглушая позывы
И глотая по хлебу
Сухую тоску,
Мы рядами ходили
По выжатой ниве —
Колосок к колоску,
Голосок к голоску.

Все четыре без света,
Тепла и уюта,
Без улыбок и песен,
И добрых вестей.
Но что мерялось годом,
Сегодня — минута:
Люди ищут, как счастья,
Больших скоростей.

5

Люди!
    Может, снесем
Недоверия горы.
И не лучше ли вместе,
Отбросив раздоры,
Проникать в тайны неба,
В морские глубины.
А взрывчатка
Пусть мирные крутит турбины.

Жизнь и так коротка.
Сколько яств не покушано,
Сколько песен, стихов
На земле не послушано,
Не целовано милых,
Обнов не поношено.

А ведь все это нам,
Раз мы люди, положено.

Лучше рощи, поля,
Да дорог перегоны,
Чем секретные службы,
Посты, полигоны.
Лучше нам говорить
Не о сроках подлётных,
А о добрых хлебах
И рыбалках подлёдных...

6

Много красок, простора
В осенней природе.
Ну а я все — на Запад:
Там явственно вроде
На меня кто-то в прорезь
Прицельную щурится.
Шевелятся зеленые,
Хищные щупальца.

Не дремать нам —
Стоять в неусыпном дозоре,
Чтобы щупальца те
Не вползли к нам
на горе.

И достать не смогли
В диком рёве и пламени
Ни до русской земли,
Ни до русского знамени!

КЕМЕРОВО — МОСКВА

Круто взял нас вагонный режим,
Спеленал, как во сне или сказке.
Размягченно лежим и лежим,
Одурев от безделья и тряски.

Стоном стонет вагон от езды,
Что нам стала накладней полета —
Надо много в дорогу еды
Да опять же и выпить охота.

За столом никого не гвоздим,
В старых строчках не ищем изъяны.
Смыло, сдуло, как паловый дым,
Все вчерашние думы и планы.

И мужской наш тревожа уют,
Путь держа до Оки или Камы,
По вагону девахи снуют
И вальяжные шествуют дамы.

Ну и что?

Я совсем не жених.

А дружок из-под встрепанной челки
С явной нежностью смотрит на них —
Ясно, что отлежался на полке.

Нас простор опьяняет, как спирт.
Но в пейзаже, для полного лада,
Нет сегодня комбайнов и скирд,
И осеннего позднего стада.

Не пугая ворон с проводов,
Сонной жизни являя примету,
Встречных нет грузовых поездов,
А обгонных тем более нету.

Мимо — кочки, осока и мох.
И уже городок недалечко,
Где когда-то я в дом один мог
Постучаться, взойдя на крылечко.

В прошлом — рифмы, любовь и борьба,
За мельканьем житейского сора,
Как за мутным окном Бараба
И пустые степные озера.

Вот и ночь.

Далеки, далеки,
Над Сибирью, над Русью самою,
Еле-еле чадят огоньки,
Наступившей подавлены тьмою...

СОДЕРЖАНИЕ

О себе	5
Родник	7
«За речкою — подать рукой...»	8
«Изба моя, приветь меня...»	9
«К окну любил я припадать утрами...»	10
«В четыре ребячьих обхвата...»	12
«Я не по нраву, не по нраву...»	13
«От туманного молозива...»	14
«Дождик льет...»	15
Танцы на мосту	16
«Не думать ни о чем теперь бы...»	17
Матери	18
Весна на станции	19
«То ли вьюга будет мечь...»	20
«У станции цветов — каких угодно...»	21
«Не скажет дорожная лента...»	22
«Сторона любимая, приметная...»	23
«На обезлюдевшей окраине...»	24
Старые плотники	25
Дом с краю	26
«Как вихрь лечу с горы на дно долины...»	27
«Ветер веет, не слабеет...»	28
«Запорошило снегом плечи...»	29
«Зима, как прежде, удивила...»	30
«Мерзнут ноги, мерзнут руки...»	31
«Кивая ветеркам залётным...»	32
Водопад	33
Весна	34
«Бор разлегся исстари...»	35
Осень	36
«Не по одежке, не по перстню...»	37
Соседка	38

«Все наветы, наветы, наветы...»	39
«У реки рябина вянет...»	40
«Дождь перестал, как по указке...»	41
«Его я помню с самого детсада...»	42
Новые веники	43
«Не проченый, не суженый...»	45
Томь-река	46
Узкая грива	47
«В стороне от проезжих дорог...»	48
«Мы в детстве смотрели немое кино...»	49
«В двенадцать лет мальчишкам редко...»	50
Фотографии	52
«Там, где воды и ветра сшибка...»	53
«Сучки, как будто бородавки...»	54
«За пределами российскими...»	55
«Из колодца вода льется...»	56
Песнь о хлебе	58
«Он нас встречал ворчливо...»	60
«Теперь не знаю, в шесть ли, в семьли...»	62
«Мы знаем очень много...»	63
«Дом как дом. Цветы да занавески.»	64
«Что-то слишком рьяно...»	66
«Бродим чащею...»	67
«То частый лес, то чисто поле...»	68
«Год назад стоял такой же вечер...»	69
«За рекой талиновой...»	70
На родине	71
В деревне	79
«Жизнь течет...»	80
Баллада о новгородском колоколе	81
«В чистом поле, где земля простая...»	82
«Всласть тебе еще ступать...»	83
«Крутой подъем...»	84
Машинист Иван Петрович	85
«Только смолкнет дневной...»	91
«Поле. Копны снежком примело...»	93
«Вылинявшая фреска»	94
«Я слушать никогда не уставал...»	95
«Счастье, где ты...»	96
«Отойди, время, детство не засти-ка...»	97
Поле	98

«Мы шли таежною тропой...»	107
«Полюбуйся, человек, позарься...»	109
«Огни рассыпаны в лесу...»	110
«У лодчонки узкая корма...»	111
Старому шорцу	112
«Казалось, дебри всё густели...»	113
Перед грозой	114
«Утес такой - не подступиться...»	115
Гора ветров	116
«В морозящее утро...»	117
«Я видел журавлей косяк...»	118
«Будет тихо и туманно...»	119
«Салаир, Салаир...»	121
«Бойся, Анна...»	122
«По малину за селенье...»	123
На таежном аэродроме	124
«На бедре со спиртом фляжка...»	125
«По долинам роскошные травы...»	127
Кабырза	128
Морская раковина	129
«Я больше живу на колесах...»	130
«Говорят, что годы улетают...»	131
«Нет, наблюдать не любишь ты...»	132
«Время зорьки вечерней...»	133
Бородино	134
«Ну и день на простой олегчалой земле...»	135
«Иду большой, иду неловкий...»	136
У Ильмень-озера	137
«Легка, стремительна лодчонка...»	138
«Залив бугрило, пенило, качало...»	139
Какой земле принадлежим (из поэтического репортажа) ..	140
«В чистом поле, где земля простая...»	155
«В ночном бору такая тишина...»	156
«Ты б к роднику сейчас приник...»	157
«Ах, что со мною, что со мною...»	158
Берега	159
«Богата согра в эту осень...»	160
О сибиряках	162
«Тацился катер еле-еле...»	163
Необычайные приключения деда и внучки летом на даче ..	167
Изба на горе	170

До Шукшина — далеко	172
«На берегу у глыбы каменной...»	174
«Покатый взлобок. Голь. Потрава...»	175
«Чтобы от зорних пересверков...»	176
Река и озеро	177
«Он весь кремнёвой был породы...»	178
Константиново — 1995	179
Тревога	181
Кемерово - Москва	186

Литературно-художественное издание

ПОЛЕ
Виктор Михайлович БАЯНОВ
Стихи

Редактор Б.В. Бурмистров
Компьютерный набор
и верстка В.В. Кравчук
Корректор А.Н. Конюхова

ЛР №030775

Подписано в печать 12.01.2000. Формат 60х90 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура «Ариэл». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,28. Уч.-изд. л. 8,72. Тираж 1000 экз.
Заказ №2520 Цена договорная.

Издательство «Сибирский писатель»
650099, г. Кемерово, пр-кт Советский, 40.
Кемеровский полиграфкомбинат
650099, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

